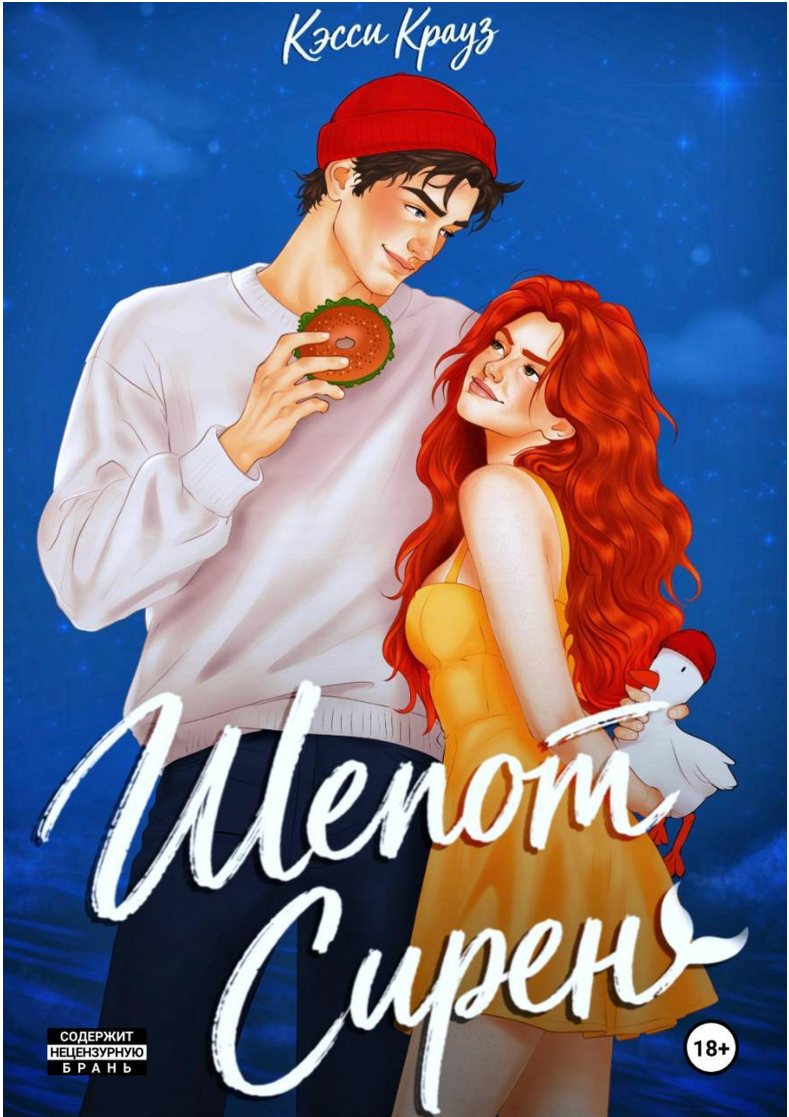

Кэсси Крауз
Шепот Сирен
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кэсси Крауз
Шепот сирен

https://litres.ru/74825272
SelfPub; 2026

Аннотация

Эмеральд и Александр – лучшие друзья с самого детства. Она мечтает о собственном магазине игрушечных мышек, он – о победах в парусных регатах. Вот только у их семей совсем другие планы: наследный бизнес, выгодные браки и никаких глупостей.

Но один светский скандал, бутылка текилы – и лучшие друзья становятся мужем и женой. Они уверены, что решили проблему, но брачный договор, подписанный не глядя, сулит большие проблемы тому, кто подаст на развод в первые двадцать лет брака.

В одночасье друзья становятся заклятыми врагами, а полем боя – деревушка Джинберри на окраине Девона. В ход идут любые средства: от взаимных подколов до саботажа.

Но туманы Джинберри хранят в себе не только сказки, но и тайны, вскрывающие старые раны на душах бывших друзей. С ними не справиться в одиночку. Эмеральд и Александру придется выбирать, что спасать первым: собственную свободу или чувства человека, еще недавно бывшего лучшим другом.

Иллюстрация на обложке: тгк "Просто белка".

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Лондонские страсти	7
Глава 1. «У Диты»	12
Глава 2. Мамочки	26
Глава 3. Визит Аида	34
Глава 4. Трагедия мышиного масштаба	43
Глава 5. Предложение	55
Глава 6. Свадебный кэшбек	62
Глава 7. За долго и счастливо	79
Глава 8. План «А»	96
Глава 9. Скрытое	106
Глава 10. Да ну на хрен!	116
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Кэсси Крауз
Шепот сирен

Моей семье, в которой обитают мышата, рождаются сказки и пекутся яблочные пироги.

Пролог

– Ну же! Ударь его в живот, чтоб все кишки зазвенели!

Их было четверо. Рыжий высокий, как жердь. Кудрявый коротышка. Блондин с лицом херувима. Черноволосый крепыш. Они не придумали ничего умнее, чем прозвать себя: Бубны, Пики, Черви и Трефы.

Прежде чем отправиться на охоту, они рисовали на своих грязных щеках символы своих мастей. И тогда мы все должны были прятаться. «Масти» тащили все, что плохо лежало: жвачки, цветные стеклышки, ленточки, наклейки и другие малочисленные сокровища, которые дети прятали в наволочках и в щелях каменных стен приюта.

Младших «Масти» любили обижать больше всех. Как в «Повелителе мух» им срывало голову от ощущения собственного превосходства и безнаказанности.

Малыши не умели драться, но было у них то, что «Масти» не в силах были украсть: это возраст. Их усыновляли гораздо охотнее. «Масти» уже никому не были нужны: Бубнам и Трефам было по тринадцать, Червам – десять, Пикам – семь. Готов поспорить, они это отлично понимали. Пройдет несколько лет, и их выдворят из стен приюта Святой Агаты, с пинка отправив во взрослую жизнь.

Сегодня Бубны, Пики, Черви и Трефы намалевались ради четырехлетней Оливии Мартин, которой будущие прием-

ные родители дадут фамилию Бинкли. Малютка была настоящей красавицей, как фарфоровая кукла в магазине игрушек, с ясными, как акварель, голубыми глазами. У нее были длинные золотистые локоны. Были, потому что Трефы успел отрезать добрую половину, прежде чем я налетел на него головой вперед и сбил с ног.

Детям, живущим в приюте, не знакомы родительская любовь, сострадание и самопожертвование. Люди, которые должны были любить и беречь их беззаветно только лишь за то, что они пришли в семью, отказались от них так давно, что в памяти не осталось даже прикосновения материнских губ.

Я был одним из тех, кто стал сиротой не по желанию родителей, а по взмаху косы в руках Костлявой. Просто ей так захотелось. И мне другого не оставалось, кроме как защищать тех, кто слаб. Тех, кто не мог за себя постоять.

– Не надо, нет! Пожалуйста! – раздался крик. Кто-то прыгнул на Трефов сбоку, а потом с жалобным писком рухнул на холодный каменный пол.

Я же лупил Трефов так, что у него зубы во рту хрустели. И не собирался прекращать, пока его потное крепкое тело не обмякло бы на полу.

Но мне было только семь. И это была моя последняя ночь в приюте Святой Агаты, потому что Трефы вспорол ржавыми портновскими ножницами мой тощий живот.

Часть 1. Лондонские страсти

«Принципы экономики» Грегори Мэнкью[1] летит через весь кабинет, и я едва успеваю пригнуться, чтобы не получить им по лбу. Сердце заходится от страха, но мозг упорно давит все чувства, чтобы не мешать инстинкту самосохранения отработать эту встречу на максимум.

Учебник с грохотом приземляется на ковер, врезавшись в каминную полку, на которой красуются фотографии моих родителей со свадьбы, из путешествия по Италии и с одной из ежегодных алкогольных выставок в Дюссельдорфе.

– Вот, что я думаю о твоем дипломе! – ревет отец. Его редкие волосы цвета виски стоят дыбом, как и всегда, когда ему приходится со мной общаться. Худощавое тело опирается на тонкие жилистые руки, которые вдавливают дубовый письменный стол в деревянный пол. Будь в папе силы и здоровья побольше, он спустился бы на первый этаж нашего дома в Хэмпстеде через потолок еще пару лет назад.

Темно-зеленые глаза слезятся, и это явно не гордость за единственную дочь, окончившую Гарвард, а безумная аллергия на цветущую в саду глицинию. Будь папина воля, он выкорчевал бы кусты с корнями вместе, но мама ими слишком сильно дорожит. А мама – единственное, чем дорожит сам

[1] Профессор экономики Гарвардского университета.

папа.

Поэтому он свирепо шмыгает носом и ищет глазами, чем бы еще в меня запустить.

Мы с моим дипломом выпускника Гарварда вместе всего несколько дней, и все это время наш тандем называли «с отличием». Для человека, который до поступления полагал, что быки и медведи – это животные из зоопарка[2], а фишки[3]используются в настольных и азартных играх, я справилась со степенью бакалавра в области экономики очень достойно.

Но не для человека, стоящего передо мной через стол.

– Я думала, что делаю это для того, чтобы получить должность экономиста в маминой юридической фирме, – вдохнув поглубже, отвечаю я. Урок из детства о том, что нельзя оставлять вопросы без ответа, был усвоен мной очень хорошо.

– Эмеральд, да кому ты там нужна? Маме необходим компетентный специалист, а не сонная неряха.

– Я была одной из лучших на своем курсе, папа.

– Ой, Эмеральд, я тебя умоляю. Оставь этот спектакль для феминистического клуба. Ты же женщина, и я не хочу знать о твоих методах получения высших баллов.

---

[2] «Быками» и «медведями» называют участников финансового рынка, играющими на повышение и понижение цен на активы.

[3] Акции самых крупных и ликвидных компаний, обладающих высоким уровнем надежности.

Бесконечная зубрежка, мозоли на пальцах от конспектов, участие в студенческих конференциях, недели практики в университетском административном корпусе и ни одной пропущенной лекции. Но я храню молчание. Шпильки до боли впиваются в голову. Прическа такая тугая, что глаза у меня стали выше на пару дюймов.

Меня слегка ведет вбок, но я сильнее сжимаю спинку стула, за которым стою, потому что в папином присутствии женщине сидеть не положено.

– Я выполнил обещание, данное твоей матери, Эмеральд. Оплатил учебу, которая тебе никогда не понадобится. Ты не будешь работать и точка. А теперь я хочу, чтобы ты покинула мой дом и больше здесь не показывалась без приглашения.

Я не до конца понимаю, о чем идет речь, ведь мой самолет из Бостона приземлился в Хитроу пару часов назад.

Обреченно вздохнув, потому что его дочь, очевидно, совершенно тупа, чтобы не потребовать дополнительных разъяснений, папа их выдает.

– Пока я не устрою твой брак с Глассманом, можешь быть свободна.

Папа кидает на стол кредитную карту и пачку наличным с тем же пренебрежением, с которым порядочный семьянин откупается от шлюхи.

– Деньги на твое содержание. Бери, бери, как и подобает женщине. Плясать под мужскую дудку. Ты знаешь правила. На карте – лимит, у меня – все уведомления о списаниях.

Следом папа вытаскивает из кармана брюк связку ключей.

– Я видеть не хочу тебя больше. – Поясняет он. – Одно твое присутствие напоминает мне о том, насколько бессмысленна твоя жизнь, и насколько ты бесполезна.

Папа медленно обходит свой стол, прихватив большие ножницы.

Мое сердце едва стучит в этот момент. Я чувствую, как волосы, зализанные в тугую косу, обмотанную вокруг резинки, так что не поймешь, где их конец, шевелятся от страха.

Папа подходит ко мне вплотную и криво усмехается.

– Боишься меня?

– Да, – шепчу я.

Он подносит ножницы к моей голове. Я зажмуриваюсь, а когда чиркают ножницы в дюйме от моего уха, перестаю дышать.

Ничего не произошло.

Ну почти. Маленькая, только выросшая, прядка лежит у папы на ладони.

Он небрежно стряхивает прядку на пол и втирает ее в ковер носком ботинка.

– Там ей самое место.

Униженная, я тихо всхлипываю. Веки ожидаемо тяжелеют. Папа бьет меня по лицу наотмашь.

– Скажи спасибо, что я не отрезал твой рыжий хвост! Скажи. Спасибо!

– Спасибо, – шепчу я.

– Пожалуйста! Выметайся. И помни, за ложь ты будешь отвечать мне, как и всегда. Надумаешь бежать или прятаться, и это решение станет последним для тебя и того, кто тебе так сильно дорог. Я больше не посмотрю, что он твой лучший друг.

– До свидания, папа.

У меня в сумке – ключи от квартиры в Челси и кредитка, но единственное, что я вынесла с этой душевной встречи со своим родителем заключается в следующем: нужно взять невозможный максимум от свалившейся мне на голову свободы и распорядиться жизнью так, чтобы ни о чем не жалеть.

Глава 1. «У Диты»

Берти

В ночном клубе-ресторане «У Диты» – полная посадка, как и всегда с пятницы по воскресенье. Танцовщицы в перьях и совершенно головокружительных костюмах сегодня демонстрируют номера из фильма «Бурлеск» на сцене в форме буквы «Т». У солистки голос не хуже, чем у самой Кристины Агилеры. Она сейчас как раз исполняет хит Diamonds, свесив со стеклянного подиума длинные ножки в чулках.

С потолка спускаются шелковые длинные ленты, образующие своими краями шторки у вип-кабинок. Бесчисленные хрусталики незажженной люстры мерцают в свете стробоскопа и отбрасывают радужные блики на столики из черного стекла. На каждом – ваза, где вместо цветов красуются пушистые разноцветные перья.

Я облокачиваюсь о барную стойку в ожидании напитков для своего столика. Сабрина в цилиндре и жилете на голое тело ловко орудует джиггером и шейкером, устраивая настоящее шоу для близсидящих парней. Отдав официантке три «Sugar Daddy», Сабрина кивает мне:

– Слушаю во все уши, Берти!

– Бутылку «Галлахера», красотка!

Сабри присвистывает:

– К нам что, заглянул миллионер? Берти, если он весит

больше двухсот пятидесяти фунтов, моргни, я сама отнесу. Не хочу, чтобы он лапал твою прекрасную задницу!

– Все нормально, это компания богатеньких выпускников, – улыбаюсь я, – не о чем волноваться.

– Не грусти, малышка, будет у тебя однажды и праздник, и свой личный миллионер. – ободряюще улыбается мне Сабрина. Сегодня на ее веках мелкими стразами выложены стрелки, а на полных губах красуется неоновая помада.

– Ай! Какой толк в этих миллионах! – отмахиваюсь я, тряхнув черным хвостом.

– То, что тебе сегодня оставили на чай сорок фунтов, не значит, что ты – миллионерша. – парирует Сабрина, игриво толкнув меня локтем.

Не значит. Потому что у моей семьи есть миллиард, но я все равно здесь, потому что за свои интересы мне приходится бороться так же, как и ей.

– Готово, Берти! Держи двумя руками, эта бутылка стоит двести восемьдесят фунтов стерлингов! – предостерегает она, придвигая мне поднос с бутылкой и тремя качающимися стаканами, даже не роксами! Смотрю на рисованный портрет своего прадеда на этикетке и представляю выражение папиного лица, узнай он, что сейчас я подам бутылку фамильного виски гостям в качестве официантки.

На мне – перчатки по локоть, парик, шляпа-цилиндр, вечно сползающий на глаза, атласная жилетка поверх бюстгальтера с эффектом «пуш-ап» и брюки-клеш. Все обязательно

черное, и все, что папа не увидел бы на мне и в кошмаре.

Плыву между столиков и игриво покачиваю бедрами музыке в такт. Еще только одиннадцать вечера, а я уже заработала двадцать фунтов чаевых. Мое настроение выше некуда. Счастливо улыбаясь, опускаю поднос перед парнями из Оксфорда и открываю виски. Мне смешно, потому что я знаю парочку из них, а они даже не смотрят на меня, потому что я официантка.

Разливаю «Галлахер» по стаканам, синхронно покачивающимся на столе, когда к болтающим парням подсаживается еще один. На столе остаются пустые тарелки, и я даже не сомневаюсь, кто именно попросит убрать их прежде, чем я успею закончить с алкоголем.

– О мой бог! Это же Александр Бэккет Дрейк! – округляет голубые глаза Сабрина, когда я возвращаюсь к бару.

– Кто-кто? – невинно хлопаю я ресницами.

– Глупышка! Он самый горячий яхтсмен в истории парусного спорта. Благодаря ему регаты перестали считать устаревшими, теперь все девчонки смотрят их вместо сериалов по «Нетфликсу»! – возбужденно тараторит Сабрина. – Неужели ты и о его последней регате ничего не слышала?! Берти, финиш Дрейка под какой только трек не выложили! Я раз сто пересмотрела, как он поправляет свою красную шапочку! Какие у него ловкие мускулистые руки…

Гневный звонок из кухни, не в первый раз извещающий о готовности блюд, вынуждает Сабрину замолчать. Она меч-

тательно вздыхает и отпускает меня за заказами.

Парни за моим столиком так увлечены танцами на сцене, разговорами и виски, что даже меня не замечают. И я спокойно расставляю перед ними тарелки с закусками.

И у меня был шанс уйти незамеченной, если бы не мясистая ладонь от соседнего столика, пожелавшая поприветствовать мой зад в обтянутых брюках. Шлепок выходит таким сильным, что меня толкает вперед, и я хватаюсь за стол, чтобы не упасть.

– Прости, пупсик, я не знал, что ты такой хрупкий! – звучит хриплый сальный голос у меня за спиной.

И в этот момент Дрейк меня *замечает*. Густые брови ползут на лоб, когда он смотрит на мои худые веснушчатые руки, вцепившиеся в стол. Склоняет голову и осторожно поддевает цилиндр, чтобы заглянуть в мне глаза.

– Эмндэмс? Какого хрена? – одними губами спрашивает он.

– Не сейчас, – бросаю я, схватив поднос, но нет. Конечно, теперь он не уймется. Ведь Александр прекрасно видел, как мне только что прилетело по пятой точке. И теперь весь персонал и гости «У Диты» наблюдают за тем, как он выволакивает из-за столика пьяное тело очень грузного мужчины. Александр явно намеревается выдворить его из ресторана, но подоспевшая охрана толстяка не дает даже заломить тому руки. Мужчина демонстративно бросает к моим ногам пачку купюр и усаживается обратно за свой столик, словно ничего

и не было.

Александр готов конфликтовать дальше, но его вовремя осаживают собственные дружки. За это время я как раз успеваю ретироваться. Уступаю их столик коллеге и остаток вечера ношу кислотные коктейли красивым охотницам за свиданиями на одну ночь.

Смена официанток заканчивается в два часа ночи. Дальше заступают стриптизерши. Градус вечеринки к этому времени заметно повышается, а стандарты поведения гостей стремятся к нулю. Знаю, что некоторые официантки снимают форму и остаются тусоваться, но сама в их число не вхожу.

Специально медленно я завязываю шнурки на кроссовках, дожидаясь, пока раздевалка опустеет. Потом невидимкой вскрываю шкафчик Сабрины и прячу ей в куртку свои сегодняшние чаевые. Выбегаю из клуба через служебный вход и, поежившись от прохлады сентябрьской ночи, натягиваю на голову капюшон.

Это самая неприятная часть моей работы. Потому что каждый раз я думаю, что сегодня уж точно меня изнасилуют или похитят и продадут в рабство. Я должна испытать целых девять минут сугубо животного страха перед тем, как очутиться в безопасности. Отстегнуть велосипед, спрятать под плитку замок, вырулить из темного переулка и припустить по Гантон-стрит до платной парковки, где меня терпеливо дожидается мой красный «Астон Мартин ДБС», мамин по-

дарок за последний папин срыв.

– А вот и ты! – раздается возглас на второй минуте. Я взвизгиваю, роняю велосипед себе на ногу и ругаюсь от боли. Одновременно выхватываю из кармана электрошокер и отправляю сигнал «СОС» с телефона. К моему изумлению, его принимает мой же потенциальный насильник.

– Эми, ты объяснишь, что тут творится? – искренне удивляется он. Это Дрейк.

– Пресвятые пантифанчики! – выдыхаю я, пытаясь унять перепуганное сердцебиение. – Андэр! Нельзя же так пугать! Ты должен был вернуться только через две недели!

– Прости, сверчок, я не хотел! – оправдывается он, поднимая велосипед.

По ту сторону служебной двери слышатся голоса. Сейчас выйдут мои коллеги, а я не хочу объяснять им, почему зову Александра Бэккета Дрейка «Андэр» или дружу с ним вот уже четырнадцать лет.

– Бежим, пожалуйста, скорей!

Он молча мне повинуется. Сгребает с земли свой рюкзак, я седлаю велик и, выкрикнув через плечо адрес парковки, жму на педали. К тому моменту, как Андэр нагоняет меня, успеваю загнать велосипед под навес и продлить аренду места еще на месяц. «Астон Мартин» терпеливо дожидается меня в полном одиночестве. Поглаживаю его по капоту и забираюсь в салон, Андэр ныряет следом.

Мы молча глядим друг на друга, а потом он протягивает

руку и пробует на ощупь прядь моих волос. С облегчением улыбнувшись, дергает и срывает с головы парик. Я снимаю фиксирующую сеточку, позволяя рыжей гриве рассыпаться по спине.

– Почему они зовут тебя Берти?

– Почему ты вернулся на две недели раньше?

Вместе спрашиваем мы.

– Сверчок, клянусь богом, я чуть не поседел, когда увидел этот черный хвост. И мы договаривались на работу администратора в «Окко», а не официантки в ночном клубе! Эм, тебе при мне прилетело по попе! Я даже думать не хочу, что еще с тобой там творится!

Я нервно урчу вместе с двигателем машины.

– «Окко» – пятизвездочный отель, «У Диты» – ночной клуб в подворотне Сохо. Как думаешь, где скорее найдет меня папа?

Андэр молчит. Он знает, что я права.

– Если он узнает, Эм…

– Но ты ему не расскажешь.

– Не расскажу, – решительно отвечает Андэр. – Но это не значит, что меня не волнует твоя безопасность. Ты заигрываешься, Эм.

В ответ я лишь закатываю глаза и включаю кондиционер, намекая на то, что в салоне стало слишком душно. Осторожно выруливаю на Пиккадили, а Андэр вытаскивает из бардачка пакетик соленого арахиса, чтобы занять свой рот и не

критиковать мой стиль вождения.

Остаток пути мы молчим. Но нам обоим очень комфортно в этом молчании, ведь мы практически умеем читать мысли друг друга.

Наши мамы подружились еще в школе. После выпуска жизнь разлучила их почти на двадцать лет, ведь моя мама влюбилась в Гарольда Галлахера и уехала в Дублин, став его женой. Потом в счастливом браке родилась я и все испортила. Когда семейный бизнес вернул нас обратно в Лондон, мне было восемь. Мама воссоединилась со своей любимой подругой. Лорен за эти годы стала миссис Дрейк, выйдя замуж за наследника крупнейшей судостроительной верфи Великобритании, и родила сына Александра, который был старше меня на три года.

Человек Порядок, капитан Ответственность, мистер Надежность. С самого детства и пока мы росли, он минимизировал хаос, который учиняла я: в детской, на улице и в рюкзаке с учебниками.

У Александра были очень четкие принципы, которым он следовал без отклонений. Он хорошо учился, был вежлив со старшими, никогда не велся на сомнительные авантюры.

Единственным его недостатком было желание кулаками вперед вмешиваться в любую несправедливость. Будто кто-то вселялся в уравновешенного и спокойного Александра, обрывая все струны, на которых держалась его нервная система.

Он не умел контролировать свой гнев. Его было непросто вывести из себя, но, если такое случалось, его глаза застилала чернота. Острое чувство справедливости играло не в его команде. Если бы не выдающийся ум и уважаемая фамилия, Александра давно бы выгнали из частной школы.

Но, окончив ее с отличием, он без труда поступил в Оксфорд, потому что этого желал его отец. Единственный сын, наследник империи, Андэр никогда не возражал, принимая свое будущее, как неизбежность. Никто не ожидал. Никто даже не мог подумать, что часы щелкнут и пойдут назад.

Но это случилось.

Андэр заявил, что хочет стать моряком и отправился в школу юнг. Научился ходить под парусом и в девятнадцать обогнул земной шар в составе команды опытных мореходов. Это путешествие прославило их на весь мир и совсем накренило крышу моего друга. Он бросил учебу в Оксфорде и наотрез отказался продолжать семейное дело.

После этого номера Александр перестал нравиться моему папе. Он считал, мистер Дрейк бесхребетен и глуп, раз потакает своему сыну, но он просто путал слабость с добротой и родительским принятием своих детей. Потому что Галлахеры не ошибаются.

Наверно, именно поэтому папа и выселил меня из родительского дома, как только я вернулась из Гарварда в мае. Чтобы больше не видеть моих ошибок. Папа сам определил мою специальность, финансы, и я была уверена, он сделал

это для того, чтобы я работала с мамой в ее юридической фирме при «Галлахере». Но он мне этого не позволил.

Хотя в выселении из папиного дома есть явные плюсы. Во-первых, мы видимся достаточно редко для того, чтобы я успевала его выбешивать. Во-вторых, у меня появилась возможность заняться любимым делом, не боясь быть пойманной с поличным.

В мечтах я однажды открываю магазинчик-мастерскую, где дарю детям веру в сказку. Папа контролирует все мои расходы, поэтому я и устроилась в самый сомнительный ночной клуб Сохо, чтобы он меня не нашел, и каждый заработанный фунт откладываю в коробку из-под туфель с маленькой надписью «на мечту».

Это то, что принадлежит мне одной. Как Андэру его регаты.

Меня с самого детства тянуло к мелочам. Сколько себя помню, все мои рисунки неизменно были маленькими: маленькие мышки сидят за маленьким столиком из чайной чашки и пьют лимонад у домика из детского сапожка.

Я люблю рисовать в маленьких блокнотах тоненькими кисточками, шить трогательных зверушек из маленьких лоскутков, чертить проекты уютных домиков с маленькими комнатками и постельками.

Я давно уяснила: моя мечта должна быть очень маленькой, чтобы ее легко было спрятать. Тогда ее не заметят и не смогут отобрать.

По Вестминстерскому мосту мы пересекаем мирно спящую Темзу. Ее черничные волны мерцают в свете уличных фонарей. Краем глаза слежу за Андэром. Задумавшись, он перестал жевать и смотрит прямо перед собой. Он был в Испании, и южное солнце оставило на нем свежий поцелуй.

Но Андэр и сам, как солнце. Большое, импульсивное и обжигающее. В нем шесть с половиной футов роста и несколько дополнительных фунтов мышц. У Андэра ясные синие глаза и темно-каштановые волосы, вьющиеся на концах. Только на все мероприятия он старательно усмиряет свою шевелюру гелем. Чтобы каждая прядка знала свое место. Или доводила девушек до катарсиса, спадая ему на лоб в конце вечера, не знаю.

Впрочем, загар и морской ветер и так превращают Андэра в объект вожделения всех девочек в радиусе земного шара, а я неизменно маячу на уровне его позвоночника, как красный сигнал светофора. Я крошечная ирландка с волосами цвета виски, и моей белой веснушчатой коже гораздо больше подходит морозный нежно-розовый румянец, чем летняя агония.

Пока я спускаюсь на паркинг у элитного жилого комплекса «Саусбэнк Плейс», Андэр заказывает нам на ужин токпоки и несколько видов пибимпапов.

Когда я впервые в мае открыла дверь купленной отцом квартиры, то здорово растерялась. Меня встретил ремонт в стиле лофт с черными буковыми полами, приглушенным

светом, обилием хрома, кожи и дерева. Огромные окна в пол давали минимум света из-за блэкаут-штор. Черными были полотенца, посуда, унитаз и постельное белье. Папа в очередной раз напоминал мне, что я не сын.

В квартире остался совсем небольшой беспорядок, но Андэр все равно обреченно вздыхает, снимая с вешалки мою шелковую майку и вешая на крючок свою джинсовку. Подобрав по пути босоножку и ремень, уносит это добро в мою спальню.

– Если бы знала, что ты приедешь, убралась бы, честное слово! – кричу я ему в спину. В ответ мне прилетает отчаянный стон: Андэр обнаружил, что мой шкаф опять стошнило одеждой.

– Одно ясно, с парнем ты знакомиться сегодня не собиралась, и я тебе ничего не обломал, сверчок, – ухмыляется он, выходя из моей комнаты и закрывая за собой дверь. От меня не ускользает, что он успел прихватить с собой белую чайку, сшитую из лоскутков, в тельняшке и красной моряцкой шапочке с курительной трубкой в плюшевом клюве. Одна из игрушек, которую я сшила. Андэр всегда забирает Фрэнка в свою комнату, когда остается у меня ночевать.

Я делаю сырную нарезку к вину, которое нахожу в холодильнике, чтобы скрасить ожидание нашего позднего ужина. Андэр, чувствующий себя здесь, как дома, выходит из душа в одних пижамных брюках. Он снова обгорел: на груди и животе – пощечины солнца. Я приглядываюсь. Никакое это не

солнце!

– Что произошло… – растерянно шепчу я, приближаясь к нему и обходя кругом. Все его тело исполосовано ссадинами и запятнано синяками. Воспоминания о шторме двухлетней давности, в котором он чуть не погиб, волной поднимаются в голове. –Так ты поэтому вернулся раньше времени?! Что случилось, Андэр? Тебе больно?! На меня смотри! – вскрикиваю я, хватая его за подбородок и поворачивая к себе.

– Помнишь о моем договоре с отцом? – вздыхает Андэр.

– Ты можешь участвовать в регатах, только если будешь вкладывать выигрыш в акции.

– Я не инвестировал выигранные деньги, – Андэр отводит взгляд. – Я идиот. Я оплачивал ущерб Данте Кортесу. – Он опускает голову, и волнистые прядки падают со лба, скрывая лицо. – Мы поспорили. Кто лучше, я или он. А никто не лучше. Этот ящер потерял управление, яхту накренило, и наши мачты сцепились. Он изобразил сотрясение на финише гонки, и виноватым признали меня.

– Мамочки, Андэр… – шепчу я, – ты же мог тоже сымитировать перелом или ушиб… он бы тоже платил! Гадский хлыст!

– Эм, – Андэр изображает печальное подобие улыбки. – Это не порядочно. И я не имитирую.

– Твой папа не узнает. У тебя достаточно инвестиций. Очень приличный портфель! – с жаром говорю я, обхватывая широкие покатые плечи и легонько встряхивая.

– Да, но уговор был инвестировать абсолютно все выигрыши…

– Тебе плохо от того, что ты нарушил обещание, но ты не мог поступить иначе. Это же ты, Андэр. Самый принципиальный и порядочный человек на свете. Тебе просто пока плохо даются авантюры. Но ты бы выиграл, я знаю. Трудно оставаться честным, когда вокруг одни лгуны. Но это твой талант. Быть верным самому себе. Слышишь?

– Если отец…

– Он ничего не узнает, – перебиваю я, – он никогда не проверяет твои инвестиции. Просто не ходи перед ним голым и пару недель поиграй в супер-сына.

Андэр усмехается и, наконец, заключает меня в свои великанские объятия.

– Что бы со мной было без тебя, Эмндэмс? – спрашивает он, поставив подбородок мне на макушку.

– Ничего бы не было. Из нас двоих ты лучше приспособлен к жизни. Это у меня в голове одни пантифанчики.

Глава 2. Мамочки

Александр

Эмеральд – на случай опасности.

Эм – на каждый день.

Эми – ласково.

Сверчок – если стрекочет и копошится.

Эмндэмс – когда я озадачен так же, как был сегодня ночью.

Эмеральд Берта Галлахер – для ее отца.

Империя виски «Галлахер» построена на суровой дисциплине и правилах. Династия сильнейших в алкогольной промышленности мужчин, которые не ошибаются, не проигрывают и всегда берут свое.

Эми ошиблась еще в утробе, схватит две Х-хромосомы вместо одной. Первая девочка в фамилии. Единственная наследница. Он даже назвал ее, как камень, изумруд. Не вложил ничего нежного и мягкого в имя маленькой рыжеволосой девочки.

Он не прощал ей ничего. За наше детство он трижды отрезал ее роскошные волосы. Как затаившийся гепард, караулил, пока они отрастут до поясницы, а потом кровожадно срезал их, оставляя девочку похожей на мальчишку. Которого он так желал.

Монстр породил девочку с нежной и хрупкой душой.

Отец никогда не скупился на сексистские выпады, но они не могли подавить гибкий ум Эми. Она была лучшей в учебе и вовсе не из-за фамилии, которую носила.

Она плакала, но не черствела и не озлобилась на весь мир, хотя стоило бы. Но издевательства отца не проходили для нее бесследно. С каждым годом жизни под одной крышей с этим садистом она становилась все более рассеянной.

Теперь, в свои двадцать два, она хранит сахар в заварнике, а овсянку – в маленькой солонке, потому что «так удобнее отмерять порции». У нее шампуни и спреи для волос стоят по всем комнатам, игнорируя ванную. Вещи очень редко ночуют в шкафах, и она будто специально криво складывает полотенца. Она сломала три моих триммера для бритья, так что я оставил надежду выходить из ее дома с гладко выбритым. Она постоянно забывает гасить ночник в спальне, которую я занимаю в ее квартире, так что лампочка часто перегорает. Она боится высоты и спит, свернувшись в маленький клубочек, какой бы огромной не была кровать.

Пах вибрирует от полученного сообщения. Приоткрыв один глаз, выуживаю из кармана телефон. Шесть утра. Мое стандартное время подъема. Если я, конечно, один. С Эм соблюдать режим так же невозможно, как чихать с открытыми глазами. Нас вырубило прямо на диване в гостиной часа три назад. Но это совершенно не мешает Дрейку-младшему среагировать на полученное фото. Я даже не знал, что бывают настолько крошечные трусики. Это моя стюардесса Гвен ла-

конично сообщает о своем приземлении в Хитроу. Сон рассеивается, я снова бодр и взбудоражен.

Самое сложное – осторожно подняться с дивана и не раздавить крохотное существо, которое сейчас я ощущаю всей своей спиной. У Эми – брутальный темно-коричневый диван размером с Австралию, но все равно, когда мы ночуем вместе, она протискивается в щель между мной и спинкой дивана, зарывается в подушки и засыпает так крепко, что не разбудишь и пушечным залпом.

Осторожно поднимаюсь и накрываю Эм одеялом. За свою заботу беру ключи от ее машины. Уверен, что вернусь до того, как она изволит подняться. Эм бубнит во сне что-то неразборчивое и утыкается носом в мягкую обивку, сворачиваясь в клубок.

Гвен присылает второе фото: она собирается в душ. До Поплара я добираюсь меньше, чем за полчаса, капельки воды еще даже не успели обсохнуть на смуглом плече Гвенни.

– Андэр, я не думала, что ты приедешь так быстро! – щебечет она, закрывая за мной дверь. – Шутка! Я считала минуты.

У меня нет никакого терпения тащить Гвен в постель. Она срывает с меня куртку с футболкой и хочет запустить мне в волосы пальцы, но я перехватываю ее руки и разворачиваю ее безупречное тело из банного полотенца, точно конфетку из фантика.

– Какая ты шикарная, Гвенни… – шепчу я, целуя пульси-

рующую от возбуждения сонную артерию.

У нее есть лишь несколько часов перед следующим рейсом, так что приходится обойтись без душа и завтрака.

– Под твоей кожей, Андэр. Я под твоей кожей, – шепчет Гвен на ухо текст моей же татуировки и прячет мне в карман свои микроскопические трусики. Меня передергивает.

Это, конечно, не тот трофей, который я предпочитаю хранить до конца жизни, вынимать из тумбочки и любоваться перед сном. Как минимум, это негигиенично. Доставляю их до ближайшего мусорного бачка и ныряю в машину Эми. Уже почти одиннадцать, я зверски голоден.

– Американо, раф с лавандовым сиропом, бейгл с лососем, булочка без кунжута, два круассана с пармской ветчиной и один с шоколадом, нет, тоже два! – ревет мой желудок на всю пекарню. – И дайте вот этого пряничного мышонка.

– Конечно, мистер Дрейк, – улыбается мне симпатичная бариста. Ей хоть восемнадцать есть? – Детки обожают этих мышат. Для сестренки?

– Для себя любимого.

– Себя полезно баловать чем-то… сладеньким, – кокетничает девушка, собирая в крафтовые пакеты мой заказ.

– Без кунжута! Я же попросил! – гавкаю я вместо ответной игривой реплики. Ненавижу невнимательность.

Девушка смущенно извиняется и кладет правильный бейгл.

Когда проникаю в квартиру Эми, внутри – по-прежнему

темно и тихо. Впрочем, темно здесь независимо от времени суток. Папаша Галлахер постарался выбрать дочери предельно грубый и мрачный интерьер, а из-за страха высоты она почти не открывает шторы на огромных окнах. Я недавно купил дом в Белгравии и теперь точно знаю, чего в нем видеть не хочу.

Эми так и спит, уткнувшись в обивку дивана, а из-под одеяла торчит лишь маленькая розовая пятка. Сгружаю пакеты с едой на кухонный стол, забираю свой кофе и шагаю в арендованную мной спальню. Фрэнк с важным видом взирает на меня с покрывала. Всем своим видом он как будто мне говорит: не волнуйтесь, капитан, я всю ночь нес вахту! Ваша шхуна в надежных крыльях!

Мамин звонок застает меня на полпути в ванную. Первая мысль: не брать трубку. Вторая: в таком случае следующий звонок она сделает в морг.

– Привет, мам.

– Сынок! Сынок! – кричит она так, будто угодила в ураган. – Сынок, ты не спишь?!

– Сплю, мам… – слабая попытка свернуть разговор.

– Почему ты спишь, время почти десять?! Ты заболел?

– Мама, со мной все в порядке.

– Где ты? Ты нашел вчера мое сообщение? А девушку?

– Мама. Ты отправила мне файл с кучей анкет из Тиндера, как тебя вообще туда занесло?

– Я написала от твоего имени блондинке в кожаном ко-

стюме. Выглядит очень стильно.

– Господь Бог, что?! Мама, я не уверен, что этот костюм – то, о чем ты подумала…

– Сынок, тебе двадцать пять лет, ничем толковым ты не занимаешься, я хочу на свадьбу!

– А я хочу помыться и поесть!

– Ты грязный?! Чем ты занимался ночью, зайчик?

– Мама! – рявкаю я, забыв, что не один.

– Александр Бэккет Дрейк! Если ты имел наглость улизнуть из семейного бизнеса, имей совесть, женись и роди мне наследников! В среду у меня аукцион в Белгравии! Если ты не явишься на него с девушкой, я…

– Ну что ты? – обреченно вздыхаю я.

– Я на тебя очень сильно обижусь! – визжит мама и вешает трубку.

Я снова вздыхаю, взирая на сверкающую под солнечными лучами Темзу. И суток не прошло, как я сошел на землю, а меня уже снова тянет в море. Подальше. Туда, где не ловит сотовая связь, хотя мама при желании дозвонилась бы и до преисподней и отчитала Аида за долгий ответ.

Позади слышится тихий скрип пола, а следом мне под лопатки головой упирается разбуженная Эм.

– Прости, сверчок, – снова вздыхаю я, не отрывая глаз от воды. – Мама никак не успокоится. Просит к среде найти невесту. Как и всегда, когда я возвращаюсь.

– Все нормально, – зевает Эми. – Я с тобой схожу. Бу-

ду твоим щитом. Прикрою от амурных стрел своей широкой грудью!

Оборачиваюсь к ней, чтобы тут же угодить в плен длинных веснушчатых рук. Она елозит щекой по моей груди, будто собирается досыпать стоя, и принюхивается.

– Уже с кем-то переспал.

– С Гвен.

– Так и знала! – ухмыляется Эм и снова зевает. – У нее самые сладкие духи.

Я упираюсь подбородком в ее полыхающую макушку и обнимаю худенькое тельце в ответ. Ее волосы пахнут второсортным табаком, лаком и алкоголем «У Диты». А сквозь них пробивается ее собственный тонкий и нежный аромат персика.

– Мама тебя очень любит. Не обращай внимания, для нее ты всегда будешь ребенком. И… это нормально для матерей не считаться с планами своих детей.

– Она меня однажды виртуально придушит.

– Хорошо, что не реально, – стрекочет Эми. – Завтрак?

– Однозначно.

Эм роется в пакете и с довольной улыбкой выуживает свой бейгл без кунжута. Терпеливо ждет, пока я расставлю тарелки и садится на стул. Мне приятно, потому что знаю, будь она одна, ела бы, забравшись с ногами на столешницу прямо над пакетом.

Ничто так не любит дисциплину и порядок, как море.

Необъятное и непокорное. Люди тонут ежечасно. Мужчины – в два раза чаще, чем женщины. Люди до двадцати пяти – короли этой статистики. Это лишь иллюзия, что человек способен покорять стихию, отнимающую жизни. В любой момент она может рассеяться. И от этого будоражит еще сильнее. Дарит ощущение свободы.

Я не могу контролировать ветер или погоду. Я покорно подчиняюсь малейшим их переменам, не противлюсь и не спорю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я люблю контролировать в своей жизни то, что могу контролировать. И я очень благодарен Эм за то, что она несмотря на свое перманентное состояние хаоса изо всех сил старается сдерживать его в моем присутствии.

И да, в моей голове распланированы очень многие вещи. Я привык сам отвечать за себя и своих близких. Мне важны комфорт и безопасность тех, кто мне дорог. Это еще один элемент контроля. Я не считаю себя требовательным или педантичным, потому что море не прощает ошибок. Два года назад оно уже преподало мне урок.

Глава 3. Визит Аида

Эмеральд

Мои мышки выстроились в ряд, заинтригованно взирая на меня своими черными бусинами-глазками. Это мой личный лот на аукционе миссис Дрейк. Семья мышек для игры в пальчиковый театр. Осторожно разглаживаю клетчатую юбку у мышки-мамы и поправляю бантик на белом фартуке.

– Сегодня у вас важный день, семья Басл. Вы отправитесь в одну из детских больниц под покровительством фонда семьи Дрейк. Прошу вас стоять смирно и не испачкать усики!

Заметив лишнюю ниточку, сую ее в карман по привычке и вздыхаю, представив маленькую девочку, которая будет придумывать свои собственные сказки, играя с моими мышками. Мой крошечный, но собственный, вклад в чью-то радость и, может быть, улучшение самочувствия.

Я сделала мышкам коробку-дом с прозрачной передней стенкой: внутри кроватки, полосатый коврик и кресло-качалка для бабушки-мыши. На коробке оставлено место для названия мастерской, предоставившей игрушки на аукцион, но я выступаю, как аноним, поэтому медной краской вывожу на карточке «семья Басл приглашает поиграть» и отправляюсь собираться.

Родители не посещают благотворительные вечера Дрейков, потому что папа не любит аукционы из-за необходимо-

сти махать табличкой ради выигрыша. Так что я чувствую себя вполне спокойно, собираясь на этот вечер.

Мою беготню по квартире прерывает видео-звонок. Настораживаюсь, увидев фото абонента. Это тетя Берта, мамина старшая сестра, в честь которой мне было дано второе имя. Они с мужем Гарри живут в Девоне, в захолустной деревушке Джинберри без интернета в принципе и без связи с недавних пор. Чтобы позвонить мне, ей пришлось ехать в соседний город, Плимут. Надеюсь, у нее там все в порядке.

– Детка! Привет! – кричит тетя Берта, едва я принимаю звонок. Ее рыжие кудряшки перехвачены на макушке клетчатой лентой, румяные щеки блестят в свете желтой лампы, и я понимаю, что она звонит мне из старого компьютерного клуба. На тете Би ее любимое зеленое платье с большими деревянными пуговицами, она явно нарядилась для какого-то праздника.

– Куда ты собираешься? – спрашивает она.

– Мама Андэра устраивает благотворительный аукцион. Иду как гостья… и участница, – добавляю я шепотом. Зеленые глаза тети Берты заговорщицки вспыхивают.

– Покажи-ка мне этих красавчиков!

Довольно хрюкнув, я спрыгиваю со стула, продемонстрировав тете свое белье, и уношусь на кухню, чтобы пригласить мышей. Тетя Би единственная, кто знает о моем маленьком деле жизни, не считая Андэра.

Она ненавидит моего папу и не расскажет ему из прин-

ципа. Семейство Басл получает нешуточную дозу комплиментов, мне даже приходится одернуть задравшийся носик мышке-малышке.

– Эми, как бы чудесно тебе жилось у меня в Джинберри. У нас тут столько ребятишек, они бы с таким удовольствием играли в…

– Перестань. – Слишком резко перебиваю я ее. – Ты же знаешь, он меня в жизни не отпустит.

Я провела в Джинберри столько времени, пока была маленькой, что сладкий запах меда с вересковых холмов навсегда отпечатался в моем сердце. Когда я пошла в среднюю школу, папа больше не разрешал мне уезжать. Слишком далеко, чтобы контролировать. Но во сне я часто видела тенистые улочки Джинберри, очаровательные коттеджи и Ла-Манш, бескрайний, пепельно-серый осенью и васильково-синий летом. В этой деревне жили невыдуманные сказки, и подсознательно с нее я и рисовала свои маленькие картинки. Я точно знаю, что была бы там очень счастлива. Но если я сбегу, папа сожжет Джинберри дотла.

– Прости меня, я не удержалась! – быстро извиняется тетя Би.

– Расскажи просто что-то счастливое, – прошу я.

– У Мэгги вырос замечательный имбирь. Крепкий, терпкий, в меру жгучий. Похож на молодую мандрагору, ты помнишь? Только не визжит. Скоро мы будем готовить мармелад.

– Какой?

– Яблочный, ягодный и на апельсиновых корочках с имбирем, в октябре у нас ежегодная ярмарка. Будем собирать урожай яблок, ты участвовала в таком, когда тебе было шесть. Гарри сажал тебя на плечи, чтобы ты могла добраться до верхних веток яблони в нашем дворе. Наша команда выиграла тогда, вот было здорово! Был такой чудесный теплый день, один из последних теплых дней того года, – тетя Би сама охотно погружается в наши общие воспоминания. Подперев рукой свою пухлую щеку, она мечтательно улыбается, глядя сквозь уже взрослую меня. – Так пахло палой листвой и хвоей, сырой землей и терпкой сладостью яблок… мы откупорили первую бочку сидра Гарри. Кстати, детка, а твой папа не поделится с нами штаммом дрожжей для сидра? Гарри хочет поэкспериментировать. Он сейчас как раз на рынке, готовится к варке.

–Тетя Би, ты шутишь? – растерянно улыбаюсь я. – В папину лабораторию пускают только трех человек по отпечатку пальцев. Я в это число не вхожу.

– Детка, выдохни, я просто думала, вдруг у него есть рецепт, снятый с производства. Мы бы с удовольствием переняли.

Повисает короткая пауза, и мы вместе разражаемся смехом. У нас обеих он громкий и заливистый. Тетя Би на разгоне еще умеет свистеть, как чайник.

Папа никогда и ничего не отдает с производства просто

так. Его имя обязательно должно быть на самом видном месте, обязательно приносить доход семейству Галлахер.

– Ладно, детка, я рада, что у тебя все спокойно. Беги, собирайся!

– Передай от меня привет Джинберри и дяде Гарри!

– Люблю тебя!

Еще пару минут я просто сижу на стуле, подобрав под себя ноги, и таращусь в пустой экран, пока зыбкое ощущение счастья и покоя не рассеивается в воздухе. Джинберри всегда ощущался жизнью, которую мне прожить не суждено.

Звонок консьержа застает меня влезающей в бордовое вечернее платье. Придерживая его на груди и трижды споткнувшись об подол на своем пути в холл, я все же добираюсь до табло охранной системы и с ужасом обнаруживаю на нем Эндрю Глассмана: будущего мужа по версии моих родителей.

– Красотка, впусти меня! Я испытываю острую необходимость застегнуть твое платье! – кричит Эндрю, когда я отвечаю на вызов консьержа.

– Мисс Галлахер, к вам мистер Глассман, – бормочет смущенный голос.

– Пусти его скорее, чтобы он не пугал соседей! – пищу я. У меня есть десять этажей, чтобы привести свою квартиру в потребный вид. Выпрыгиваю из платья и бросаюсь закрывать двери в неубранные комнаты. Золотое правило иметь одну незахламленную спальню Андэра очень выруча-

ет. Туфли, корсеты и вечерние наряды бардаком не считаются, так что я позволяю их сохранять спокойствие и не эвакуирую их с кресел и пола гостиной.

Вытаскиваю из-за диванной подушки помаду и кидаю ее на стол к семье Басл, чтобы не забыть. Медлю, но оставляю мышей на месте: все равно им ехать с нами. Эндрю и так увидит.

Прячу чайку Фрэнка в морозилку и спешу обратно к входной двери, чтобы запрыгнуть в платье.

Эндрю Глассман, наследник стекольного магната, который поставляет бутылки под виски «Галлахер» был идеальным кандидатом на мою руку, сердце, почки и все остальные незастрахованные части тела. Нашим родителям казалось чрезвычайно остроумным поженить стекло и алкоголь. Только вот Эндрю Глассман был из тех, кто к сорока годам становится богатым одиноким дядей, который дарит своим племянникам подарки из стоп-листа родителей, дает попробовать первый глоток алкоголя, сделать первую затяжку и отводит мальчика в элитный бордель для «посвящения».

Он зовет меня красоткой и, честно сказать, я не уверена, помнит ли он, что мое имя Эмеральд. А еще Эндрю старательно игнорирует намеки родителей сделать меня своей девушкой, что нравится мне больше всего. Ему тоже это не нужно.

– Красотка, ты похожа на Персефону, какая роскошь! – восторженно рычит Эндрю с порога. – Иди-ка сюда, сладкая

попка.

Он возвращает мое платье на пол еще до того, как я говорю «привет», и провожает в свой личный и обжигающий ад прямо на кушетке в холле.

Не успеваю даже отдышаться, как меня уже несут на руках в ванную.

– Красотка, собирайся! Нельзя опаздывать. – Командует Эндрю, придавая мне ускорение игривым шлепком.

Я расчесываю волосы и заново собираю свою гриву в аккуратный низкий пучок. Подкрутив пряди у лица, освежаю макияж, хотя щеки у меня алеют и без румян, а глаза удовлетворенно блестят.

–Я принес твое платье, красотка! – сообщает вернувшийся из гостевой ванной Эндрю. – Хочу сам его на тебя надеть. А ночью продолжу быть твоим Аидом, идет? – урчит он, склоняясь к моему плечу для поцелуя. Я смотрю на наше отражение в большом зеркале.

Маленькая и рыжая – это я. Высокий мужчина с золотистыми волосами, загорелой кожей и наивно-голубыми глазами – это Эндрю. Поцелуи теплых губ поднимаются выше по моей шее, а мягкие колечки волос приятно щекочут кожу. У него чужой засос на шее, а он даже не пытается его скрыть. И если я спрошу, чей он, Эндрю с удовольствием расскажет.

Я льну к его груди под белой рубашкой и прикрываю глаза. Умелые руки Эндрю скользят по моим бедрам и касаются кружева белья. Пальцы ныряют под него, и я ощущаю при-

косновение чего-то плотного и шершавого.

О-о-о… я узнаю эти ткань и форму из сотен подобных. Ведь это я собрала это существо по лоскуткам! Холодная дрожь отвращения прокатывается по моим позвонкам, и я с протестующим криком отталкиваю от себя Эндрю.

– Красотка, ты чего? – удивленно вскидывает руки он. – Я просто встретил по пути к тебе одну маленькую мышь, и она захотела с тобой немного поиграть в кошки-мышки, понимаешь, о чем я?

Я чувствую, как от тихой ярости моя кожа сливается с цветом моих волос.

– Эта мышь для аукциона! С ней будут играть больные дети, отмороженный ты кусок пошлятины! – рявкаю я, выхватывая из рук Эндрю несчастную миссис Басл. Такого оскорбления не ожидала ни она, ни я.

– Красотка, эй, красотка, что на тебя нашло? Какая тебе разница, никто же не узнает! Ну не злись, иди ко мне. – Эндрю сгребает меня в охапку и прижимает к своей груди. – У всех свои увлечения: кто-то умирает от скуки, штопая нелепые игрушки, а кто-то импровизирует и находит применение даже такой дребедени. Вопрос фантазии и таланта, красотка. Все, одевайся!

Он снова шлепает меня по заднице и оставляет перед зеркалом одну.

Я смотрю Эндрю в спину, размышляя, способен ли он распознавать еще какие-то чувства кроме приближающейся

разрядки?

Эндрю относится ко мне ровно так, как в папином представлении мужчина должен воспринимать женщину: как объект страсти и похоти, к которому можно прибегнуть в любой момент, заменить под настроение, продать или купить. Без чувств, без правды и без уважения.

Должен быть способ избавиться от брака с Эндрю, я просто его пока не нашла.

Глава 4. Трагедия мышиного масштаба

Эмеральд

Я выбита из равновесия и невозможно унижена. Как и бедная миссис Басл. Быстро влезаю в платье, и, пока Эндрю поправляет волосы перед зеркалом в холле, забираю коробку с мышами и вытаскиваю из комода сменные платье и передник для пострадавшей матушки. Переодену ее в зале для регистрации лотов.

Конечно, никто не знает, что это я сделала семейство Басл. Сшила из серых лоскутов пятерых мышей, дала им имена и вдохнула в их черные носики маленькие жизни, сидя в гостиной под «Анатомию страсти». Вытаскивая миссис Басл из коробки, Эндрю полагал, что это творчество неизвестной мастерицы, которой я решила подарить немного известности, пользуясь своим положением в обществе. Он бы назвал мышат дребеденью, знай, что это я их сшила? Думаю, да. Эндрю предпочитает не фильтровать свои мысли. Какое счастье, что он не мой спутник на сегодняшнем вечере. Он даже не поехал со мной на одном такси.

Белгравия всегда завораживала меня своей историей, четкими линиями и аристократической утонченностью домов и улиц. Здесь жили родители Андэра, и здесь же он купил свой

собственный дом. У него-то не было нужды убираться от семьи подальше.

Аукционы миссис Дрейк всегда отличались помпезной роскошью и блеском. Красивый особняк на Белгрейв-сквер буквально светится изнутри. Белоснежные колонны и лестницы увиты настоящими живыми цветами, со сводчатого потолка свисают грозди глициний. Официанты подают игристое на подносах, устланных лепестками роз.

Миссис Басл никак не хочет втискиваться в новое клетчатое платье. Мне приходится применить силу, чтобы застегнуть крошечную кнопку у нее на спинке. Расправляю всем хвосты и заново рассаживаю членов семейства в коробке перед фотосессией лотов. Семья Басл получает номер девять, и я покидаю зал подготовки. До этого мне и в голову не приходило, как много времени ушло у меня на финальные приготовления. Первые лоты уносят в выставочный зал, и Андэр кажется уже достаточно нервным, когда я нахожу его в толпе гостей.

Я даже притормаживаю, чтобы полюбоваться им со стороны. Он вырос в настоящего широкоплечего красавца, хотя в детстве скорее походил на маленького кудрявого гоблина. Статный, сильный, решительный. Кудри уложены на небрежный пробор и убраны от лица, высокие скулы и густые брови выражают крайнее напряжение, а темно-синие глаза блуждают по залу, надеясь кого-то углядеть. Меня.

– Эми, я думал, ты решила прокатить меня! – с облегче-

нием выдыхает Андэр мне в макушку, когда я прижимаюсь к нему для объятия, от чего по телу сразу же разливается тепло.

– И пропустить сватовство миссис Дрейк? – смеюсь я. – И не мечтай!

– Ты обещала быть моим щитом! – протестует он, предлагая мне бокал игристого. Его свободная рука в привычной манере покоится у меня на талии. Это прикосновение меня немного успокаивает. Андэр никогда бы не поступил с миссис Басл так, как гребанный Эндрю. Он никогда бы не поступил так *со мной*.

– Тогда тебе придется меня поднять и нести перед собой, – улыбаюсь я. – С моим ростом я могу ручаться максимум за твою грудную клетку. Но зато твой пах надежно прикрыт. За него я ручаюсь своим позвоночником. – Фыркаю я, похлопав Андэра по бедру. – Будь спокоен.

Андэр хохочет, и его заразительный мальчишеский смех тут же привлекает к нам несколько пар любопытных глаз. Я сразу замечаю ее. Лимонно-желтое платье, элегантная прическа, светлые кудельки на высоком лбу, красивая улыбка. Она плывет в нашу сторону, опираясь на руку своей подруги в лиловом, и раздевает глазами моего лучшего друга.

Я замираю в напряжении, ожидая дальнейших действий Андэра, но он и не думает убирать руку с моей талии. Когда я предпринимаю попытку отстраниться на случай, если он забылся, Андэр удерживает меня рядом.

– Добрый вечер, – как истинный джентльмен, он здоровается первым. Желток расплывается в улыбке.

– Планируете потратить сегодня свой выигрыш, мистер Дрейк? Пустите на благое дело плату за загрязнение окружающей среды? – интересуется высокая девушка в лиловом. Она с вызовом глядит на Андэра своими круглыми серыми глазами. Совершенно очевидно, что его чары на нее не действуют. Мне интересно, что же будет дальше. Андэр любит, когда у девушки есть собственное мнение. Желтое платье понимает, что выбрало себе неправильную спутницу, и вмешивается в разговор.

– Александр, ваша гонка была потрясающей. Я смотрела, затаив дыхание!

– Благодарю. – Коротко кивает Андэр. Он что, пропустит мимо ушей выпад лиловой юбки? – Из какого материала ваш наряд, мисс…?

Нет, не пропустит. Я заинтригованно прикусываю губу.

– Мисс Блюм. Это вискоза.

– Мисс Блюм, вы знаете, что вискоза вместе с полиэстером и нейлоном входит в список самых вредных тканей? – со спокойствием аллигатора, торчащего из Миссисипи, интересуется Андэр. – Она выделяет токсины, способные вызвать головокружение и тошноту.

– Какой ужас, Присси! – шепчет желток.

– Прежде чем рассуждать о моих отношениях с окружающей средой, вам стоило бы снять это платье, мисс Блюм.

Вау.

Андэр добивает ее своей двусмысленностью. Нежный румянец поднимается от белой шеи и расцветает на щеках. Я с интересом внимаю их разговору, прикидывая, переспит ли Андэр с Присси, но вдруг ощущаю, как его большая ладонь скользит по моей талии и притягивает еще ближе к себе, останавливаясь в районе живота.

Оу, ясно.

– Так вы… – Присси растерянно переводит взгляд с руки Андэра на меня.

– Вместе? Да, – отвечаю я с гордой улыбкой новобрачной. Опускаю голову Андэру на грудь и по-собственнически поглаживаю его по лацкану смокинга. Интерес девушек к нашим персонам растворяется на глазах.

– Отлично сработано, сверчок! – сияет довольный Андэр провожая парочку взглядом. – Спасибо.

– Всегда «пожалуйста», а теперь, будь добр, ослабь хватку, ты сейчас меня раздавишь.

Эта сцена отвлекает меня от случившегося с несчастной миссис Басл. Но когда нас приглашают в зал торгов и регистрируют таблички с номерами, украшенные веточками эвкалипта, обида вновь подкатывает к горлу. Эндрю назвал моих мышей «нелепыми игрушками» и «дребеденью». Что, если все остальные тоже так посчитают? Я воображаю себе тишину и неподвижно застывшие таблички в руках гостей при объявлении моего лота, и мне становится дурно. Я буду вы-

нуждена провалиться в подвал этого роскошного особняка, если лицитатор будет уговаривать присутствующих купить семью Басл хотя бы за пятьдесят фунтов.

Папа не разрешает мне участвовать в торгах, так что я стою позади всех на случай эвакуации при возгорании моих щек от унижения и стыда. Андэр со своей табличкой пьет просекко у меня под боком.

– Ты купишь в долг моих мышей? Я верну. – Шепчу я.

– Сверчок, что за вздор! Семью Басл оторвут вместе с хвостами! Ты видела, какие роскошные усики под носом у деда? – Андэр игриво улыбается и поддевает меня локтем. – Конечно видела, это же ты их вышила.

Поэтому я сейчас испытываю этот панический страх оказаться неоцененной: Андэр слишком сильно меня хвалит.

Делаю глубокий вдох и сосредотачиваюсь на начавшихся торгах. Проходит сорок мучительных минут и одна яростная схватка между двумя леди за перчатки Агаты Кристи. Их противостояние выходит настолько жарким, что я на некоторое время отвлекаюсь от своего волнения. Но потом объявляют старт благотворительных торгов, и я снова превращаюсь в комок нервов.

– Вашему вниманию представляется семья Басл! Шесть мышей ручной работы от мастерской, пожелавшей сохранить анонимность, патронессой лота выступает Эмеральд Берта Галлахер. Все вырученные средства будут направлены в детское отделение больницы Святого Томаса.

На большом экране за спиной лицитатора загорается фотография Басл: они уверенно и храбро стоят плечом к плечу в своей коробке и кажутся в десятки раз больше себя настоящих.

– А вот и те самые мышата, красотка! Погляди-ка. – Эндрю вырастает у моего плеча так неожиданно, что я едва не подпрыгиваю. – Думаю, мне стоит купить их, чтобы мы могли закончить нашу с тобой игру сегодня ночью.

Он подмигивает и отвлекается на официанта, а у меня поперек горла встает осиновый кол.

– Эмндэмс, ты чего? – шепчет Андэр. Я лишь растерянно моргаю в ответ.

– Их купят, – обещает он, и его бездонные синие глаза преисполнены искренней уверенности.

Я нервно выдыхаю, не в силах кивнуть. Смотрю на Эндрю, глотающего игристое. В его голове сейчас действительно мигает похабная мысль насчет семьи Басл.

Глаза обжигает гнев и обида за моих мышей. У меня такое чувство, что слова Эндрю прозвучали в микрофон, и весь зал погрузился в тишину, осознавая услышанное. Но это неправда. Люди оценивают семью Басл и готовятся к торгам.

– Эм, что не так? – не унимается Андэр.

Эндрю первым поднимает табличку со своим номером, и я судорожно втягиваю носом воздух. Лицитатор начинает считать: шестьдесят фунтов от молодого человека раз…

– Эми… – продолжает звать Андэр. Напряжение во мне скручивается в пружину. Когда звучит «шестьдесят фунтов от молодого человека два…», пружина распрямляется.

– Эндрю надел себе на палец миссис Басл и пытался меня ей пощекотать прямо там… – выдаю я.

– Что?! – почти в голос вскрикивает Андэр. Его рука с табличкой взмывает в воздух, и торги продолжаются.

– Тише! Пожалуйста тише… – умоляю его я. На нас оборачивается седеющая миссис с предостережением в глазах.

Сердце ухает в пятки и взмывает к мозгам, когда я вижу несколько табличек, поднятых в воздух. Завязывается настоящее мини-сражение, и цена поднимается до трехсот фунтов, когда Эндрю ухмыляется:

– Нужно было добавить, что одна из крысок имеет аромат виски…

– Что ты сказал?! – рявкает Андэр.

– Эй, полегче, брат, я лишь сказал, что это отличные секс-игрушки! – успевает сообщить Эндрю перед тем, как Андэр хватает его за полы смокинга и толкает затылком в стену.

– Это! Не! Секс-игрушки! Не смей! – кричит он, впечатывая кулак в красивое озадаченное лицо Эндрю. Я боюсь, что Андэр не сможет остановиться, пока не превратит лицо Глассмана в отбивную, но никто из гостей не спешит вмешаться, так что я сама запрыгиваю Андэру на спину и тяну назад.

– Все, все! Хватит! – кричу я, хватаясь за его клокочущие

гневом плечи.

– Красотка, укроти своего бешеного пса! – вопит Эндрю, отбиваясь от ударов, которые градом обрушиваются на его лицо.

Андэр уворачивается от встречного кулака до того резко, что я едва не слетаю с его спины. Мое бордовое платье плывет по воздуху, точно плащ супергероя. Но Андэр не супергерой. У него обострен инстинкт защитника. Он в буквальном смысле готов глотку порвать за тех, кто ему дорог. Всегда сдержанный, принципиальный, он голову теряет, если чувствует несправедливость.

Воспользовавшись тем, что Андэр отвлекся на меня, Эндрю отшатывается от стены и раздраженно разводит руками, поражаясь бездействию охраны.

– У нас большие неприятности… – шепчу я Андэру в ухо. Он весь пышет жаром, а мозг затуманен гневом и не способен просчитать последствия этой выходки на аукционе, где собралась вся лондонская элита. Это я виновата. Мне следовало промолчать. Я спрыгиваю на пол, и стук моих каблуков об пол звучит, как лязг тюремного затвора.

– Сэр, прошу вас покинуть аукцион именем вашей матери. – Говорит устрашающего вида охранник. Он принимает оборонительную позицию, но Андэр не стал бы его трогать. Он оборачивается, чтобы убедиться, что я в порядке. Пряди волос спадают ему на лоб, густые брови все еще мрачно сдвинуты, а глаза кажутся не синими, а черными, как дуло писто-

лета. Меня передергивает, Андэр выглядит слишком устрашающе.

– Все нормально. Я пойду с тобой, – пищу я и тяну его за собой за рукав. Боковое зрение улавливает движущуюся на нас пышную розовую юбку.

Мы выходим на пустынную Белгрейв-сквер, Андэр хватает меня за руку и увлекает за собой к машине. Мы откровенно сбегаем от наказания. Он тоже видел розовую юбку. Я подхватываю подол, чтобы бежать быстрее, но…

– Александр Бэккет Дрейк! Ради всего святого, тебе двадцать пять лет! Что ты себе позволяешь?! – раздается пронзительный крик, от которого парковщик роняет ключи от чьей-то машины. Мы медленно оборачиваемся, чтобы лицом к лицу встретиться с надвигающейся на нас пышной розовой карой. Миссис Дрейк, путаясь в бесчисленных юбках из органзы и шифона, спотыкается на полпути и гневно топает ножкой, призывая нас самих подойти и получить по самые гланды.

– Лекси, ты избил будущего мужа малышки Эми! – кипятится миссис Дрейк, когда Андэр тормозит перед ней, а я – чуть-чуть спрятавшись за его спиной.

– Ну не правда, он мне никакой не… – робко бормочу я, но колесницу ярости уже не остановить.

– Это будет завтра во всех газетах! Сын четы Дрейков избил безобидного Эндрю Глассмана! Когда твой отец узнает, а он обязательно узнает, можешь попрощаться со своими ях-

тами! – кричит разъяренная мадрэ. – Ты что, на подпольных боях?! Ох, где мой сладкий малыш! Кем ты вырос?! Во что ты превратил мое мероприятие?! Лекси, ты просто невозможен! Клянусь Богом, я женю тебя силой! На первой же анкете из вашего Шминдера! Какой кошмар! Чтобы я не видела тебя здесь сегодня! А завтра ты принесешь публичные извинения бедному мальчику!

– Нет. – Хмуро отвечает Андэр.

– Вот и чудно… постой, Эми, он что, сказал «нет»?!

Я не знаю, я оглохла еще на фразе «мой сладкий малыш».

– Я не буду извиняться перед этим ублюдком.

– Хватит!!! Александр, я даю тебе сутки, чтобы исправить этот скандал. Иначе ты у меня загремишь под венец, как девственница из «Игры престолов»!

– Мама… – стонет Андэр, – ради Бога, ты что, только что сравнила меня с матерью драконов?

– Миссис Дрейк, простите его, это все из-за меня! – робко встреваю я.

– Булочка моя, я в этом даже не сомневаюсь, но что же теперь мне Лекси на цепь посадить?

– Мама, если ты не…

На рот Андэра ложится розовая шелковая перчатка.

– Я должна завершить аукцион и выписать Глассману извинительный чек, полагаю.

Андэр все еще клокочет от тихой уходящей ярости, когда я везу его к себе домой.

– Если ты начнешь стрекотать, что мне не нужно было за тебя заступаться, сверчок, я обижусь, ясно? Так обижусь, что…

– Да брось, ты не умеешь обижаться! Я хотела сказать тебе спасибо, Андэр. Ты единственный, кто знает о моем увлечении, и я так… сильно благодарна тебе, что ты не говоришь мне, какая это все ерунда, даже если это действительно так.

– Это не ерунда, Эм! – снова вспыхивает Андэр. – Все, что касается тебя, не ерунда! И в следующий раз я проломлю этому чертовому Эндрю его тупую башку! У тебя обязательно будет свой магазин! Ты достойна самого лучшего.

– Спасибо. Еще бы накопить на него до того, как папа перекроет мне кислород.

– Мы что-нибудь придумаем. И я все еще готов сам его тебе купить.

– Нет. Я не втяну тебя в это. И для начала нам стоит озаботиться тем, как уладить завтрашний скандал в газетах. Эндрю – та еще королева драмы.

Андэр недовольно ворчит со своего сиденья и погружается в раздумья.

Глава 5. Предложение

Эмеральд

Спать мы не ложимся. Андэр вытаскивает из морозилки текилу и обалдевшего чайку Фрэнка, которого я спрятала от Эндрю. Поправив красную шапочку, Андэр оставляет его отогреваться на столешнице, берет стопки и выходит на крошечный декоративный балкон.

Я до ужаса боюсь высоты. Но папа купил квартиру именно на последнем, десятом, этаже, чтобы лишний раз подчеркнуть статус фамилии Галлахер. Этот балкончик – мое маленькое проклятье. В обычное время двери туда закрыты и для надежности заблокированы стулом. Но Андэр знает, как держать мой страх под контролем. Он садится на балконе, сунув под спину подушку, и перегораживает своими длинными ногами вход.

В темноте плещется Темза, а тишину разбавляют лишь изредка проезжающие внизу машины. Я выключаю в доме свет, чтобы можно было смотреть на звезды. Снимаю платье и, завернувшись в плед, устраиваюсь на полу квартиры к Андэру лицом. Нас разделяет порог, а меня от главного страха – могучее тело лучшего друга.

Первые две стопки мы выпиваем молча. На третьей я все же решаю спросить, что мы будем с этим делать.

– Тебе не понравится.

– Может быть, стоит уехать? Когда у тебя следующая регата?

– Я не стану сбегать от проблем. Я не отказываюсь от своих действий. Я бы снова начистил ему ухмылку. Он зовет тебя красоткой, но ты слышала, как пошло это звучит?! Ты ему это позволяешь?

Я теряюсь, не зная, что сказать. Мне страшно спорить с Эндрю, потому что за его спиной вместо меча находится мой отец. И теперь последствий не избежать не только Андэру, но и мне.

– Эмеральд, мужчина не должен так относиться к женщине, даже если он хорош в постели. – Андэр обреченно качает головой.

– Знаю, – тихо говорю я, и какое-то время мы сидим в уютном молчании. Мускулистое тело Андэра расслабляется. Он лениво подталкивает мою ногу своей.

– Нужна новость, которая перекрыла бы эту. – Заявляю я. – Может быть, завтра утром кто-то разводится? Или планирует измену…

– Эми, брось. Это грязно. Непорядочно прятаться за чужими ошибками, – строго осекает Андэр, наливая нам еще текилы.

Я закатываю глаза и опрокидываю новую стопку. Алкоголь уже дал мне в голову и жар приливает к щекам. Мозг начинает мыслить в другом измерении. Я думаю о разводах и их причинах. Журналисты светских изданий их обожают.

Кто-то деликатно, двумя пальчиками, а кто-то нагло, всей клешней, ковыряется в чужом белье ради сплетен. Но еще больше разводов журналисты любят… *свадьбы*.

Бесценный, чарующий и бездонный омут. От предложения до помолвки напрямую к свадебной церемонии и роскошному ужину. Каждая деталь имеет значение, каждый взгляд и хрусталик на люстре. Свадьбы удостаиваются целых блоков в журналах, разворотов в газетах и десятков постов в социальных сетях. Свадьбы затмевают все. Мой разум в том числе. Но, возможно, это была и текила.

– Послушай, Андэр, а что, если… может быть, я выйду за тебя?

– Чего? – полупьяно-полузадумчиво переспрашивает Андэр.

– Я выйду за тебя. Замуж. – Немного увереннее повторяю я. – Это объяснит драку: ты приревновал невесту.

– Продолжай, – хмурится Андэр.

– Если мы поженимся, то сможем делать, что захотим. Мама отстанет от тебя с невестами, и ты сможешь ходить во все регаты и кругосветки, которые выберешь, потому что больше не будешь привязан к ее торжествам. А я, я… – от открывшихся вдруг перспектив у меня разом пересыхает в горле. – Я буду свободна. Я смогу работать. Открыть магазин. Смогу уехать, потому что у меня будет уже не его фамилия.

– Эмндэмс, он будет в ярости, – Андэр качает головой, но все же отставляет текилу в сторону. – Твой отец… Эм, я

даже не могу предположить, что он может сделать. Я и моя фамилия сможем защитить тебя физически. Но морально… Эми?

– Андэр. Он выдаст меня за Глассмана и глазом не моргнув. Эта семья так жаждет соединиться с нами, что будет плясать под папину дудку. Его влияние на меня никуда не денется. Эндрю хороший любовник, но дерьмовый человек. Он сам же меня папе и продаст. А твоей семье плевать на мою. Мистеру Дрейку ничего от нас не надо. Он растил тебя с уважением и принятием твоих ошибок. Если я тоже стану Дрейк, я буду под защитой твоей фамилии. А ты сможешь жить в своих регатах и не слушать мамины жалобы на отсутствие жены.

– Ты будешь под *моей* защитой официально.

Этот план, возникший в голове в одну секунду, с каждым моим словом становится все притягательнее. Но Андэр в смятении хмурит густые брови. Он ненавидит ложь, вот только я и для него нарисовала вполне радужные перспективы. Поэтому я даю ему немного правды, чтобы уравновесить чаши весов.

– Мне не нужны ни деньги, ни возможности твоей семьи, Андэр. Мне нужна только свобода, которую может дать твоя фамилия. Деньги на магазин я могу заработать и как Галлахер, но инвестировать их… только как Дрейк.

– Мы сможем помочь друг другу. Но нам нужны правила. – Говорит Андэр, и я понимаю, что он согласен. – Если кто-

то захочет…

– Секса? – улыбаюсь я. – Все порты мира открыты для тебя, капитан Дрейк. Мы часто изображаем пару, ни у кого не возникнет подозрений. К тому же мне совсем неинтересно, чем ты занимаешься, когда уезжаешь для своих регат, – подмигиваю я.

– Хорошо, мне тоже все равно, с кем ты спишь, только если он относится к тебе с уважением, – соглашается Андэр. – Но если ты… или я…

– Влюбимся в кого-то? Разведемся. В первый год все равно этого сделать нельзя юридически, а мне года хватит. У меня есть личные накопления после Гарварда, папа о них не знает.

– Черт возьми, Эм, это гениально. И так просто! Сделаем это сегодня?

– А когда открывается регистрационное бюро?

– В девять. Заплатим, если будет очередь. И тогда никто и ничего не сможет мне предъявить. Нам нужны свидетели? – приняв мою идею, Андэр тут же начинает облачать ее в жизнь силой своих прагматичных мозгов. – Я возьму Джона, это мой ассистент, плюс иногда ходит со мной в регаты, когда я на «Изумрудике». Не любит лишние вопросы.

– А я? Все мои знакомые работают «У Диты». У меня есть только ты. И Эндрю, но вряд ли Эндрю согласится.

Андэр ухмыляется.

– Одного Джона хватит. Нужно обсудить поцелуй.

– Фу, – кривлюсь я.

– Именно. Без языка. Просто чмок?

– Тихий чмок, – улыбаюсь я.

– Это как?

– Просто прижмись к моим губам на пару секунд и улыбнись, будто выиграл регату.

– Это тихий чмок? Прижаться и улыбнуться? – смеется Андэр.

– Да.

Андэр поджимает пухлые губы и понимающе кивает. Наливает нам по финальной стопке, а затем решительно подается ко мне. Я отстраняюсь до того резко, что ударяюсь затылком о косяк балконной двери.

– Ты чего?

– Хочу порепетировать. Не имею понятия, как взаправду целовать сверчков.

– Прижаться и улыбнуться, – повторяю я.

Пока лицо Андэра не приблизилось к моему, неловкости я не испытывала. Но сейчас, видя каждую складочку на его губах, ощущаю, как румянец застилает мои щеки и поднимается к корням волос. Слава Андэра, как любовника, бежала впереди него с большим отрывом. Я и сама слышала пикантные истории, рассказанные этими самыми губами. И сейчас они меня поцелуют.

Замираю с закрытыми глазами и перестаю дышать, когда ощущаю на коже теплый проспиртованный выдох. Андэр то-

же нервничает. Но он решительно подается вперед и сталкивает наши губы, точно срывает восковую полоску с кожи.

Прежде мы целовались на вечеринках во время игры «Правда или действие» или по указке пресловутой бутылочки. Но те поцелуи были смазаны и не значили ничего, потому что бациллы передавались по кругу между всеми участниками.

Но сейчас мы совершенно одни и делаем это по своей воле. Никто не засмеется, не затянет умилительное «о-у» и не сунет за шиворот кубик льда.

Приоткрываю один глаз, чтобы обнаружить, что Андэр тоже за мной подглядывает. Мы фыркаем и смеемся одновременно.

– Завтра обниму тебя, – обещаю я.

– Звучит неплохо, а я тебя подниму. Как в твоей любимой сцене из «Мой любимый враг».

– Это свадебный подарок? Только постарайся не раздавить меня своей медвежьей хваткой, капитан Дрейк.

– Сейчас я слишком пьян, но будь я трезвым, сказал бы тебе, что главное в этой авантюре не потерять тебя как друга, Эми.

– Будь я сейчас трезва, сказала бы, что не о чем волноваться, – с улыбкой шепчу я.

– Тогда идем спать, Эмеральд Берта Галлахер. Завтра я сделаю тебя Дрейк. Ты не потеряешь ни одной «р» в своем имени.

Глава 6. Свадебный кэшбек

Александр

Я смотрю на нее поверх головы.

Такую маленькую, суетливую, сеющую беспорядки, точно маленькое торнадо, и думаю о том, что в старости, когда мы обретем свои настоящие вторые половинки, то здорово повеселим своих внуков этой безумной авантюрой.

Эми похожа на куколку в своем коротком платье, пышном сверху и снизу, стянутом на талии атласной лентой. Объемный кремовый пиджак, надетый по вине сентября, скрывает голые веснушчатые плечи, которые я лицезрел во время регистрации нашего брака. Огненная грива убрана в хвост и усмирена жемчужной заколкой, но ветер все равно треплет прядки и пускает их вниз по ее лицу и к шее. Мои маттиолы, длинные и кружевные, очень подходят ее образу.

Консультант в круглосуточном цветочном слишком навязчиво предлагал нам каллы, идеальные свадебные цветы. Но каллы были бы уместны, выбери Эм в качестве наряда что-то строгое и минималистичное, о чем мне и пришлось говорить консультанту. Хотя… она бы и выбрала, если бы выходила замуж по указке родителей. Ей бы никто не позволил вырядиться, как фантик из-под конфеты. Но пока я с ней, все будет иначе. И я ни за что не куплю ей навязанные каким-то дилетантом цветы.

Чтобы исполнить формальность, я выбрал для нас одинаковые тонкие кольца из белого золота. И мы только что заключили брак в ближайшем лондонском регистрационном бюро на Джадд-стрит. Эми еще рано утром выложила в своих социальных сетях затравку для журналистов, так что пока мы обменивались кольцами перед сонной седеющей миссис с журналом регистрации браков, акулы светской хроники стягивались ко входу в бюро.

Джон засвидетельствовал наш порыв, не сказав ни единого слова, и отправился в порт драить свою любимую яхту «Викторию». Сезон в Англии подходил к концу, «Виктории» предстояло отправиться на зимовку в Порто. Благодаря плану Эми я теперь обладал безграничным запасом времени и несильно суетился на этот счет.

Мы стоим, держась за руки, перед десятком журналистов у входа в регистрационное бюро и счастливо улыбаемся.

– Мистер Дрейк! Мы хотим фото! Пожалуйста, сделайте нам обложку!

Эми поворачивается ко мне со спокойной и счастливой улыбкой безграничного доверия. Мы одна команда. Делаю к ней шаг и обхватываю так, чтобы пышная юбка оказалась накрепко прижатой к бедрам, и никто из фотографов не запечатлел белье Эми, когда я оторву ее от землю. Она довольно взвизгивает, взмывая в воздух в моих руках, и упирается мне в плечи, глядя сверху вниз.

Журналисты довольно щелкают затворами фотоаппара-

тов.

Белые тонкие руки Эм спокойно обнимают мою шею. Она знает, что весит не больше ста десяти фунтов, поэтому обосновывается в моих руках со всем комфортом. Разве что на горизонт не смотрит: с ее-то роста такие виды не открываются.

Я не тороплю ее, но чувствую взгляды напрягшихся над спусковой кнопкой фотографов.

– Эми, – шепчу я, привлекая внимание своей новоиспеченной жены.

– Эмеральд! Миссис Дрейк! Вы больше не боитесь высоты? – кричит один из журналистов. Наши жизни не закрытая книга, мы всегда были на виду у светских хроникеров, поэтому многие из них помнят, как Эми своим истошным визгом заставила остановиться Лондонский глаз, куда ее пригласили на свидание-сюрприз. Эми опускает на меня глаза и стрекочет:

– Руки моего мужа – единственная высота, на которую не страшно подниматься.

Черт возьми. Это сильно. Ее слова звучат совершенно искренне. Они царапают мое сознание и оседают в глубине сердца. Это моя заслуга, как ее друга. Мне очень приятно услышать такое признание. Хочу, чтобы моя настоящая жена в будущем считала также.

Эми смотрит на меня, остывшее осеннее солнце мерцает в ее бутылочно-зеленых глазах, и спокойно улыбается. Ей

все равно, какой эффект произвели ее слова на журналистов. Она всегда говорит, что думает. Сеет волнение и путает карты, не задумываясь. Вздохи умиления сменяется щелчками фотокамер: эта фраза будет отпечатана прямо под заголовком.

Они нам верят. Теперь мой ход. Я рад, что не нужно притворяться. Эм дороже всех. А в поцелуе нет ничего особенного. Обычное касание губ. Вчера я при этом ничего нового не почувствовал. Это было важно. Если бы хоть что-то в моей груди шевельнулось, я бы никогда не согласился на эту игру. Никаких ложных надежд или обещаний. Потерять Эми для меня недопустимо. Я спускаю ее ниже, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Меня тронули твои слова, Эм. Спасибо.

– Это то, что я чувствую, капитан Дрейк. Не за что благодарить, – шепчет она с улыбкой.

Мы синхронно подаемся навстречу друг другу. Ее маленькие губы пахнут бальзамом, немного персиком и… мной? Ерунда. Что за мысли.

Целую, как договорились, и улыбаюсь, прижавшись своим лбом к ее и не открывая глаз.

Эм тихо вздыхает. Эти ее маленькие звуки я знаю наизусть. Она сейчас проживает в своей голове сцену из фильма «Мой любимый враг», когда Джош поцеловал Люси у крыльца своего дома. Мне не повезло засвидетельствовать это эпизод раз семь, не меньше.

Нам задают еще несколько вопросов перед тем, как мы уезжаем. Дальше время идет на часы, если не минуты. Какое издание окажется первым в новостной ленте моей матери за завтраком? Уверен, она еще не отошла от вчерашнего аукциона и подмешивает себе в кофе успокоительное.

Она звонит мне ровно через тридцать пять минут. За это время мы успеваем вернуться в квартиру Эм. Новоиспеченная миссис Дрейк, присев на корточки, как раз пихает свои белые балетки в коробку из-под моей настольной игры «Виноделие».

– Вы сделали что?! – мама взвизгивает так громко, что Эми, испугавшись, шлепается попой на ледяной пол. – Александр Бэккет Дрейк! Я хочу знать, чем ты думал, когда женился на Эми?! Лекси!

– Мама, я думал сердцем! Я люблю ее, и теперь она тоже Дрейк.

– Зайчик, ты все-таки ударился вчера головой, да? Скажи мне правду! Мне вызвать тебе скорую? Боже мой, я читала, что внутреннее кровоизлияние обнаруживается не сразу и может…

– Мама! Эмеральд теперь моя жена. Вчерашняя выходка стала последней каплей для моих нервов. Я не мог больше играть в игру Галлахеров и Глассманов и забрал свою женщину себе. Она моя жена, и мне все равно что со мной сделают. Нужно было отдавать свою дочь замуж раньше, а не ждать пока ее уведет тот, кто любит ее, а не цену себе наби-

вает.

Эмеральд глядит на меня не моргая, так и не встав с холодного мрамора. Белое платье-фантик едва прикрывает ее стройные длинные ноги.

– Сынок. Сынок! Это слова настоящего мужчины! Значит, это правда? Я теперь свекровь малютки Эми?! Я породнилась с Гердой Галлахер? Пресвятая дева Мария! Так ты… точно головой не ударялся, малыш?

– Мама. Пока. Твои поздравления приняты.

– Она… вроде бы даже и не сильно расстроилась, – натянуто улыбается Эми.

– У нее теперь куча дел, ей некогда. Приготовься, Эмндэмс. Мы только что дали моей матери повод для развлечений, обедов и праздников на ближайший месяц, – подмигиваю я, протягивая Эми руку. Она вскакивает на ноги, и примерно в этот же момент с обувной полки раздается звонок ее телефона.

Я знаю этот стандартный рингтон на Айфоне: «сигнал тревоги». Он стоит у Эми только на отца. Когда она дрожащим пальцем проводит по экрану, я стою прямо за ее спиной. Ее острые лопатки почти касаются моей грудной клетки и, не удержавшись, я провожу костяшками по ее руке, надеясь придать немного уверенности.

– Привет, папа, – почти шепчет она и тут же жмет на кнопку убавления звука.

– Эмеральд Берта Галлахер! Какого хрена ты творишь?!

– звучит громогласный голос ее отца. «Р» в его исполнении звучит, как утробное рычание хищника перед прыжком. Я отлично слышу его у уха Эми даже на минимальной громкости.

– Папа, я теперь Дрейк… – робко возражает Эми.

– Вздор! – рявкает телефон. – Эмеральд. До этого дня я полагал, что заложил в тебя хотя бы каплю осознанности. Но оказалось, что ты и этим обделена. Я гребанные три года готовил ваш брак с Глассманом. Хочешь сказать, ты не знала об этом? Отвечай!

– Знала, – дрожащим голосом шепчет Эми.

– Не слышу!

– Я знала, – чуть громче повторяет она, делая от меня шаг вперед.

– Тогда почему я получаю в зятья Дрейка?! Что мне делать с их кораблями? Поставлять в их трюмы свой виски?! Тебе не кажется, что стекольный бизнес лучше подходит алкоголю, чем гребаное судостроение?! Родилась девчонкой, изволь слушаться! Какой от тебя еще может быть толк?! Все, что от тебя требовалось, это выйти замуж за привлекательный бизнес! И что мы имеем?! Что ж, спасибо тебе, Эмеральд. Твоя выходка в очередной раз доказывает, что женщины бесполезны во всех сферах, кроме постели. Но ты и здесь умудрилась ошибиться! Если бы не моя вера в твою маму, я бы даже усомнился, что ты моя дочь. Этому браку не бывать!

Эми всегда была одна в этих битвах. Она просила не вмешиваться, боясь, что отец запретит нам общаться. Что ж, теперь у моего вмешательства есть юридически подтвержденное право, и я осторожно забираю у Эми телефон.

– Этот брак зарегистрирован, мистер Галлахер, – заявляю я, прилагая огромные усилия, чтобы не повысить голос. – Эмеральд – моя жена, и я не потерплю подобное отношение к ней даже от собственного отца.

– А, великий защитник, – даже не видя, я знаю, что кривая ухмылка пронзает губы отца Эм. – Что ж. Звучит так, будто мы с тобой поладим не сразу.

– Мы поладим, как только вы измените отношение к собственной дочери.

– Не лезь в мою семью, приятель, если не хочешь, чтобы я полез в твою.

– Ждем вас на свадебном ужине, мистер Галлахер, – дико ухмыляюсь я. – Полагаю, моя мама уведомит вас о нем всеми возможными способами. Ведь мы теперь родственники.

– Только на бумаге, – огрызается Галлахер. – Мои юристы подготовят документы. Думаю, ваши сейчас занимаются тем же. Мы не из тех семей, чей союз может существовать без брачного договора. Никакого слияния активов не будет.

– Полагаю, мой отец в них не заинтересован. К тому же о борт нового судна у нас принято разбивать шампанское, а не виски.

Ответом мне звучит дивный звук его скрипящих друг о

друга зубов.

– Я позабочусь о вашей дочери, мистер Галлахер.

В отличие от вас я знаю, что это такое.

– Я заботился о ней двадцать два года и ничего толкового в ответ не получил. Эмеральд, – Галлахер повышает голос, чтобы дочь услышала, и я нехотя спускаю телефон к ее уху. – Я хочу поговорить с тобой лично, когда будешь готова принести мне свои извинения.

– Папа, извини меня.

– Нет.

– Эм, тебе не за что извиняться! – снова вмешиваюсь я. – Ты теперь Дрейк.

– Очень смешно. Александр, прими совет от тестя, – Галлахер хмыкает. – Никогда не радуйся выигрышу, пока не получишь официальный документ, его подтверждающий. Иначе рискуешь проиграть гораздо больше и даже этого не заметить.

Мистер Галлахер бросает трубку, даже не удосужившись попрощаться.

– Пока, пап, – робко стрекочет Эм.

Плечи поникают, от чего фигурка Эми кажется еще меньше. Она стоит ко мне спиной, но я точно знаю, что в бутылочно-зеленых глазах сейчас дрожат слезы. Эми поеживается и уходит, не поднимая головы. Словно меня здесь нет.

– Эмндэмс, куда ты?

– Хочу переодеться и лечь спать, – рассеянно мямлит она,

шлепая от меня по коридору. Белое пятнышко в этой убийственно черной квартире.

Это случается почти всегда. Неспособный сопротивляться, ее хрупкий организм, как губка, впитывает в себя все нападки, бесчувственные обвинения и оскорбления, а потом отключается от бессилия. Глядя на нее сейчас, я жалею, что мы не додумались до этого союза раньше. Потому что впредь ее отец не посмеет так с ней разговаривать. Я не допущу.

Догоняю Эми и заключаю ее в объятия. Она тут же утыкается лбом мне в грудь, тяжело дыша от накатывающих рыданий.

– Отдохни, а вечером я заеду за тобой, и мы отправимся отмечать нашу свадьбу куда-нибудь в Сохо, хорошо?

Эми кивает, но в ее поплывших глазах уже нет ясности и понимания. Нервная система нуждается в перезагрузке. Целую рыжую макушку и оставляю Эм одну.

Я не знаю, сколько часов она проспала, но в девять вечера на парапете у парадного входа в дом меня встречает свежая и отдохнувшая миссис Дрейк. Она выпрямила длинные волосы и собрала их в высокий зализанный хвост. Роковые стрелки на веках и несколько слоев туши делают ее глаза еще ярче.

Эми совершенно игнорирует тот факт, что в Лондоне осень, но сегодня я ни слова на это не скажу. На ней – белый брючный комбинезон с обнаженной спиной и золотым ремешком на тонкой талии. Ткань обволакивает округлые бед-

ра и маленькую грудь, и мне приходится довольно небрежно парковать машину в зоне парковки, потому что на Эмеральд уже засматриваются парни, вышедшие из бара напротив.

Эта ночь – начало нашей свободы, хотя о свадьбах и принято говорить иначе. Мы блуждаем по оживленному Сохо, меняя один бар на другой. В одном пробуем кислотные коктейли на вкус Эм, в следующем я выбираю нам несколько настоек, а дальше, дабы не понижать градус, мы отправляемся на поиски текилы.

Эми хочет танцевать, так что сами того не заметив, мы оказываемся на окраине Сохо, где бары переоборудованы в ночные клубы. «У Диты» мы остановиться не рискуем и выбираем клуб в соседней подворотне.

Ди-джей ловко управляет толпой, не давая ей перевозбудиться раньше времени. Пятеро барменов разливают алкоголь, снуя вдоль узкой барной стойки, которая тянется вдоль всего клуба. На открытых балкончиках второго этажа расположены столики и приватные кабинки, но там почти никого нет.

Эми успела где-то раздобыть фату, прицепленную к пластиковой тиаре, и теперь счастливо визжит в обнимку с девчонкой, которую не знала еще две минуты назад. Они скачут под разрывной ремикс Gimme! Gimme! Gimme! и игриво трутся друг о друга бедрами.

Раскинув руки, девчонка кружится, и Эми следует ее примеру. Путается в своем длинном хвосте, но я прихожу ей на

помощь. Убираю от лица непослушные пряди и присоединяюсь к их танцу. Эми весело хохочет, глядя, как я гримасничаю, повиливая бедрами и двигая руками, как робот-переросток.

А потом вдруг стробоскопы перестают мигать и на танцпол льется мягкий золотистый свет.

– Дамы и господа, птичка напела мне, что среди нас сегодня есть молодожены! И не какие-то! Непревзойденный яхтсмен Александр Дрейк и красавица Эмеральд Дрейк! – в микрофон объявляет ди-джей, и луч желтого света падает на раскрасневшуюся Эми. – Давайте поздравим молодых и пожелаем им бессонных ночей! Ребята, вы клевые, подарите нам танец! Дадим парням с галерки перевести дух, ага?!

Толпа одобрительно гудит и смеется. Включается Ordinary Алекса Уоррена, люди вокруг нас расступаются, требуя танец молодых. Несколько девушек достают телефоны, приготовившись к съемке.

Я живо включаюсь в роль новобрачного и решительно обхватываю Эми за талию. Она подает мне руку, отсчитывает ритм, и мы вступаем. Кружимся в недо-вальсе недо-танго, наслаждаясь умелостью друг друга. Сколько было танцев в наших жизнях, сосчитать невозможно.

Толпа расступается вокруг нас, и краем глаза я замечаю, что многие не танцуют, а просто наблюдают за нами, покачиваясь в такт самой свадебной мелодии из всех недавно написанных.

– Как красиво… – комментирует кто-то. Это правда. Я точно знаю. Танец преображает Эм. Уходят неловкость и угловатость, движения приобретают мягкость и грацию пантеры.

– Мы могли бы накопить на твой магазин и танцами, сверчок, – поддавшись порыву, шепчу я рядом с ее ухом. – Все мужчины в этом клубе смотрят только на тебя. А у тебя моя фамилия.

Эми одаривает меня счастливой улыбкой и выше задирает острый подбородок.

Вот так, малыш. Я по капелькам наполню тебя уверенностью. Чтобы после брака со мной папаша Галлахер обломал об тебя свои кривые зубы.

Танец заканчивается, и мы готовы отпустить друг друга в свободное плавание, но собравшиеся вокруг требуют нашего поцелуя.

– Тихий чмок? – уточняю я, и Эм едва заметно кивает, обнимая меня за шею. Скольжу руками вдоль талии к ребрам и притягиваю ее ближе к себе.

В нас бултыхается почти целая бутылка текилы. С таким количеством алкоголя внутри я обычно строю планы на одну ночь. А сегодня не могу, потому что должен строить из себя молодожена.

Эми с нажимом ведет ладонями по моим плечам и спускается к грудной клетке.

– Такой обалденный ты, – шепчет она с улыбкой. Я нави-

саю над ней и непослушные пряди с моего лба соскальзывают на ее, заслоняя нас от чужих глаз. Это так странно, будто они когда-то имели значение для парочки друзей. Взгляд Эми мутнеет. Никогда не видел выражение ее лица таким… болезненно жаждущим. Этот взгляд только для меня. От этого в груди переворачивается маленький пантифанчик.

Наши губы касаются друг друга, но мы почему-то не отстраняемся в тот же момент. Мы зачем-то сжимаем друг друга крепче. Тихий чмок не получается, потому что мои губы проходятся по губам Эми и неожиданно углубляют поцелуй. Чисто из любопытства.

Кажется таким естественным целовать ее: мягкие настойчивые губы точно знают, что нужно делать. Ни я, ни она даже не думаем колебаться или останавливаться. Наши тела слушают не нас, а чертову текилу, которая заглушает ток крови. Забывшись, я наматываю на кулак длинный рыжий хвост Эм и оттягиваю его, чтобы проникнуть языком еще глубже. Мозг готов выкинуть белый флаг, когда я слышу ее непроизвольный тихий стон.

Он отрезвляет нас обоих. Мы отстраняемся и растерянно глядим друг на друга под довольные крики толпы.

– Мне нужно на воздух, – жалобно пищит Эми, проводя пальцами по влажным приоткрытым губам. От этого движения кровь виновато приливает мне в пах.

– Ага, давай, – киваю я. Мне и самому не мешало бы освежиться. Прошу у официанта воду со льдом и, игнорируя его

скептический взгляд, залпом осушаю стакан.

Проходит минут пятнадцать, а Эми все не возвращается. Еще пять и я имею полное право на беспокойство. Тем не менее, отправляюсь на поиски через целых шесть, списав лишнюю минуту на рассеянность Эми.

Толкнув железную дверь, ведущую на задний двор, оказываюсь в темном закоулке. Ветер упирается здесь в тупик и гаснет. Мокрые кирпичи исписаны глупыми надписями, именами в сердечках, проклятиями и обещаниями. К своему удивлению я обнаруживаю Эмеральд сидящей на перевернутом деревянном ящике с сигаретой, зажатой между белых пальцев.

– Твою мать… – вырывается у меня. – Эм! Ты куришь?!

– Меня попросили подержать, – с улыбкой врет она.

– Но зачем? Ты губишь бесценные легкие! Сжигаешь альвеолы!

– Андэр, не будь занудой, – щурятся бутылочно-зеленые глаза. – Нарушишь свои правила для миссис Дрейк?

Холод тронул ее белый носик и подсветил нежную кожу щек. Эм похожа на ребенка, который клянчит у папы еще пару минут на морозе. Он бы запретил, мы оба знаем.

Я не он.

– Давай.

Я накидываю ей на плечи свой пиджак и прикладываю ко рту сигарету, которой только что касались ее губы. Едва успеваю выпустить струйку ядовитого дыма, как кто-то сво-

рачивает в наш закоулок.

– Все чисто, там тупик. Все нормально. Тащите его сюда. – Командует голос с характерной хрипотцой. Я уже его где-то слышал. Грузная фигура, походка в развалку из-за жира на боках, дорогой костюм с безвкусным блеском. Он на днях облапал задницу Эм «У Диты», и ему ничего за это не было, потому что он какая-то шишка в финансовом мире.

– Давайте поживей. Как хромые клячи, тьфу!

Мы с Эм переглядываемся.

Предчувствуя неладное, сгребаю ее в охапку и, стараясь двигаться бесшумно, оттаскиваю в самую темноту за башню из коробок и ящиков у стены. Эта свалка и ввела толстяка в заблуждение. Он решил, она – у самой стены, но это не так.

Так же беззвучно я выуживаю из кармана пиджака на Эм свой телефон, отключаю вспышку и начинаю снимать. Из-за угла появляются двое в одинаковых рабочих комбинезонах. И они волокут за руки и ноги парня в отключке. Его голова запрокинута, и длинные черные дреды волочатся по земле. Один из парней неуклюже наступает на них, и слышится отвратительный звук вырываемого клока волос. Эми пятится, сильнее вжимаясь в мою грудь. Я успокаивающе поглаживаю хрупкие плечи, продолжая снимать. Стараюсь дышать ровно и размеренно, чтобы она своим телом чувствовала безопасность. Но я ни хрена не спокоен.

– Киньте вон туда! – командует толстяк. – Да осторожнее, черти! Легче. Так, хорошо. Не оставили отпечатков?

– Нет, сэр, мы в перчатках.

– Поправьте ноги, чтобы было похоже, будто он упал. Да, нормально.

Толстяк критически оглядывает тело, распластавшееся на пустых коробках перед нами, и удовлетворенно кивает. Один из парней протягивает к нему руку, но тот грубо толкает его локтем.

– Хрен тебе. Я сам.

Эми освобождается из моих рук, но я вовремя соображаю, что она собралась вмешаться, и заключаю ее в крепкое кольцо. Нет, сверчок, не пойдет. Мне жаль, но твоя безопасность мне важнее. Я безоружен и не смогу нормально защитить тебя.

Толстяк натягивает перчатку и склоняется к человеку, распростертому на земле. Не человеку, а телу. Потому что он…

– Мертв. – Сообщает толстяк. – Ты сам так решил, пес. Сам, – продолжает он, кряхтя, выпрямляясь. – Я ухожу первым.

Эми в моих руках трясется от слез. Я держу руку у ее губ, чтобы сдержать невольный крик, но сама она только сильнее прижимается к ней, давясь рыданиями.

Я останавливаю видео, и убираю телефон в карман брюк.

Дорогой дневник, сегодня я женился и стал свидетелем убийства.

Снова.

Глава 7. За долго и счастливо

– Тебе стоило бы вести себя тише, приятель. – Ухмыляется Трефы, откидывая с высокого лба темную прядь.

– С чего бы вам указывать мне? – невозмутимо спрашивает Монте, не отрываясь от шнуровки своего старого кожаного ботинка.

– С того, что ты здесь никто! Без году неделя! – вскипает Бубны, встряхивая рыжими патлами. Трефы успокаивающе похлопывает приятеля по спине.

– А вы кто? – Монте поднимает голову и улыбается совершенно искренне. – Хозяева приюта?

– Мы похуже хозяев! – рявкает Черви.

– Так, может, мне стоит проинформировать об этом хозяев? Что думаете? Может быть, они знать не знают, что у них есть такие уверенные замы?

Монте поднимается с койки и засовывает руки в мешковатые брюки. Ему пятнадцать, и он гораздо выше любого из «Мастей». Его родители погибли, как и мои. Ему осталось пережить лишь три года в приюте Святой Агаты. У него даже есть начальное образование, и школа разрешила ему закончить оставшиеся классы. Никто не переводил Монте в христианскую школу при приюте.

А еще Монте очень красивый по версии приютских девчонок: у него большие карие глаза, густые кудрявые волосы,

чистая кожа и широкая улыбка. Его поселили ко мне в комнату, нас стало пятеро, и жизнь немного улучшилась. Как минимум, потому что Монте не боялся «Мастей». Плевать он хотел на их порядки. Монте закрывал на ночь нашу дверь, подпирая ручку шваброй, чтобы мы могли спокойно спать. Как самый высокий, он прятал наши «сокровища» в потолке.

Я тоже прятал, но у меня была система, чтобы не забыть: в коридоре я выбирал левую стену, стоя к окну спиной, отсчитывал седьмой ряд камней снизу и выбирал нечетный камень. У меня были тайники по всем стенам приюта, и я чувствовал себя настоящим богачом. Но Монте… Монте вселял доверие одним своим видом. Почти взрослый и наш.

Рейды «Мастей» перестали нас пугать. Монте учил нас читать и писать, помогал с уроками и даже пытался научить французскому. Из своей школы он приносил нам настоящие шоколадные батончики.

Бубны краснеет, как символ своей масти. У него краснеют даже белки глаз.

– Да ты рехнулся? Ты, что ли, стукач? Ябеда?!

– Я не стукач и не ябеда. – Монте вскидывает подбородок. – Буллинг – это проблема, с которой должны разбираться взрослые, применяя взрослые меры наказания. Буллинг – это травля, а не шутливые подколы, он должен наказываться соответствующим образом.

Шестилетний Боб завороженно присвистывает с соседней койки. Пики бросает на него предостерегающий взгляд. В спальне повисает напряженная тишина. Нарушает ее молчавший все это время Кресты.

– Пойдем-ка потолкуем наедине, Монте.

– Без проблем, – кивает он.

– Не ходи! – протестую я неожиданно даже для самого себя.

– Все в порядке, я скоро, дружок, – Монте ободряюще подмигивает мне и покидает спальню вслед за «Мастями».

Не нахожу в себе сил сидеть и ждать его. Если парни вздумают его бить, а бить одного вчетвером было для них в порядке вещей, он их не одолеет. Со мной у него будет чуть больше шансов. Выждав пару минут, я спрыгиваю с койки и в одни носках, чтобы издавать меньше шума, выскальзываю в холодный темный коридор.

Приют Святой Агаты был основан в 1890 году и, честно говоря, не сильно изменился за это время. Он даже не переименовывался в детский дом и, возможно, поэтому получал меньше субсидий.

Приюту выделялись деньги, но не все они доходили до нас. Часть шла на ремонт коттеджа хозяйки, другая на замену движка в машине ее супруга, и так было всегда. По ночам в окна задувал холодный ветер, и от этого леденели каменные сырые ступени, потому что коридоры и лестничные пролеты отапливались только в приемные дни.

Пригнувшись к деревянным перилам, я крадусь на четвертый этаж, откуда раздаются приглушенные голоса.

Спрятавшись в углублении и крепко вцепившись в камень пальцами рук и ног, чтобы не соскользнуть, я весь обращаюсь в слух.

– Ты нарушаешь баланс, Монте, – слышится голос Трефов. – Малявки от тебя буквально писаются, ты знал? Они тебе доверяют.

– И я не собираюсь предавать их доверие, – отвечает спокойный голос Монте.

– Так ли? А если мы предложим тебе присоединиться к «Мастям»?

– Трефы, какого… – начинает было Черви, но Монте и сам справляется.

– Мастей всего четыре. Все роли заняты, как я вижу.

– Да, но в колоде есть еще и Джокер, – продолжает Трефы. – Никто и никогда не подумает на тебя. Ты будешь нашим Джокером. Представляешь, как будет весело? Малявки будут жаловаться тебе на тебя же самого.

– Значит, гадить исподтишка это весело? – невозмутимо спрашивает Монте. Фух. На секунду я испугался, что он согласится. – Парни, кончайте. Совсем скоро жизнь в приюте закончится. Подумайте лучше о том, что вы будете делать дальше. Вот Билл, например, отлично рисует. Это же твои рожи нарисованы маркером на дверях в туалете?

– Заткнись, – огрызается Трефы. А я и не знал, что его

имя Билл.

– Ладно, парни, если это все предложения на сегодня, я пойду, – снисходительно соглашается Монте. Выглянув из своего укрытия в стенной нише, вижу, что он поворачивается к лестнице. Кажется, драки не будет.

Хотя…

– Куда это ты собрался?! – возмущается Трефы, хватая Монте за край пожелтевшей рубашки. Он разворачивается, но поскальзывается на заиндевелых камнях. Трефы тянет Монте на себя, но тот летит не вперед. А назад.

Ударившись спиной о хлипкий деревянный поручень, Монте проламывает его своим весом и летит вниз в темноту. В гробовой тишине мы слышим только хруст его черепа, проломившегося от удара о каменный пол.

Я закричал. Я выдал себя в ту же секунду. Рванув с лестницы, опережая «Мастей» на целый пролет, я несся к дежурному на посту.

– Это Трефы! Это Трефы толкнул Монте! Я все видел! Я видел, мистер Грин! Он хотел его избить за то, что Монте отказался стать их Джокером!

Они ничего не сделали Трефам. Полицию больше волновало состояние лестничных пролетов. Приюту выписали нешуточный штраф, а гибель Монте списали на несчастный случай. Я ничем ему не помог.

Неделю спустя глубокой ночью Черви затолкал мне в рот плесневелую половую тряпку, а Трефы острым лезвием ку-

хонного ножа для разделки мяса оставил мне глубокий порез на боку.

– В следующий раз я вырежу тебе почку, понял, сопля?

– Никто тебе не поможет. Прежде чем стучать, убедись, что у тебя из доказательств есть что-то посерьезнее твоих глаз и поросячьего визга.

Александр

Я с трудом разлепляю глаза, каждое веко весом по фунту, не меньше. Голова гудит и вибрирует, как пол в баре во время концерта местной рок-группы. Это был самый насыщенный день в моей жизни. Я женился на лучшей подруге, попал в черный список ее отца до гроба и… стал свидетелем убийства. К горлу поднимается неприятный ком, но я спешу подавить рвотный позыв.

Я еле уволок Эми из той подворотни. Мы допили бутылку текилы, прежде чем она сумела притупить нашу память и смазать ощущения. До этого тело Эми колотилось в истерике от увиденного, она рвалась в полицию, и я с трудом убедил ее не пороть горячку. Сердце парня остановилось до того, как мы это засвидетельствовали. На видео почти ничего не видно, но разговор был записан, их голоса были у нас. Я хотел дождаться реакции газет, чтобы оценить масштаб произошедшего. Если я прав, реакции не будет. Мне неизвестен толстяк, констатировавший смерть бедолаги, но он совершенно точно не вышел из соседнего дома. Он живет где-нибудь в Белгравии или Челси, потягивает вискарь

из дорогущего рокса и вращается в таких кругах, где куплено все: от молчания прессы до тишины в суде.

Мы не видели и не знали, как убили того парня. Нам досталась лишь трагичная развязка этой истории. Наши обвинения будут иметь вес только в правильных руках, а для этого нужна ясная голова как минимум.

Мы ночевали у Эм, я был так пьян, что даже не потрудился забрать себе в спальню Фрэнка и принести воды. Глотку саднит от жажды, усилием воли я отдираю себя от кровати, чтобы отправиться на водопой.

Даже не берусь предположить, где осталась левая туфля Эм, если правая сейчас взирает на меня с полки холодильника.

Приложив бутылку ледяной «Перье» ко лбу, я до дна осушаю вторую. Порывшись в шкафах, изымаю аптечку из духовки и нахожу алка-зельтцер в упаковке из-под витаминов. За годы и годы дружбы я научился читать карту расстановки вещей Эми на уровне интуиции. Теперь я никогда не ищу масло в масленке и не жду, что из колбы для жидкого мыла польется оно, а не кунжутная заправка для салата. Но я всегда искренне удивляюсь обновлениям: лоскутные мышки, сидящие в чашках, их платьица – на круглых дверных ручках, чтобы юбки были пышнее. Эми хранит в коробке из-под туфель «Прада» деньги на магазин, а в сейф прячет лоскутки, катушки ниток и своих мышей на случай, если в квартиру нагрянет отец.

Она может быть убийственна в платье с корсетом. Парни могут даже поругаться, желая с ней познакомиться. А я смотрю на нее и знаю, что час назад в этом самом платье Эми раскраивала ткань на подружку для моего Фрэнка. Когда ее уводит с вечера чей-нибудь сынок, я провожаю их взглядом и знаю, что наутро все подробности будут у меня в ухе.

Мы с ней живем на том уровень доверия, который не купишь ни за какие деньги. И я очень надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы Эми сгоряча не натворила дел из-за вчерашнего убийства.

Из глубины квартиры слышится жалобный зов. Я одеваюсь быстро настолько, насколько позволяет расшатанная голова и похмелье, и иду в комнату Эм со стаканом воды и алка-зельтцером.

Не сразу нахожу ее в ворохе черных подушек и одеял.

– Я умерла? – стонет она. – Ослепла? Почему так темно?

Забираюсь на кровать, отрываю ее от подушки и осторожно сажаю. Она приоткрывает глаза и болезненно морщится.

– Ужас, как выглядишь… – заключает она, окинув меня мутным не сфокусированным взглядом.

Усмехаюсь и протягиваю ей стакан. Она залпом осушает его и утыкается в коленки.

– Андэр, они убили его… мы должны что-то сделать, мне нехорошо… – бормочет она спустя пару минут, за которые я даже успеваю бултыхнуться в сон. Когда соображаю, что к чему, Эми – уже на полпути в ванную.

Я больше и крепче, мое тело лучше приспособлено для текилы, а вот Эм приходится несладко. Я кое-как собираю рыжую копну в хвост, пока она жалуется на жизнь унитазу.

– Оставь меня, иди, спасайся… – хнычет Эм, сворачиваясь в перерыве между приступами рвоты в клубок на коврике. – А он просто умер. Они его убили… что мы будем делать?

– Мы придумаем. Сверчок, потерпи, скоро отпустит… – шепчу я, поглаживая ее по спине. У меня самого в голове пляшут чертовы пантифанчики, едва ли я сейчас способен выдать более вразумительный ответ.

Откуда-то извне разрывается телефон.

Подрываюсь, поняв, что мы оба уснули прямо в ванной. Эм у меня под боком, моя рука на ее животе. Оставляю ее на коврике, чтобы найти телефон, потому что звонки обрушиваются на него один за другим.

– Александр Бэккет Дрейк! Хвала богам, где тебя ноги носят?!

– Мама?

– Где вы?! Я спрашиваю, где вы, малыш! Вы в больнице? Вы оба?! Вас переехал свадебный кортеж?!

– Что происходит, мама? Мы спим…

– Вы должны быть в Сити уже как пятнадцать минут! Вас ждут уважаемые люди!

– Почему они вообще нас ждут? – недоумеваю я, глядя на бело-зеленую Эмеральд. Еще чуть-чуть и она сольется со

своим именем.

– На подписание брачного договора конечно же! Сынок! – мамин голос падает до сакрального шепота. – Ваш брак аннулируется, если договор не будет подписан в течение первых суток, если это твой план, дай мне знать, я все улажу! Меня не слишком вдохновляет родство с мужем Герды.

– Мы будем через сорок минут! Только доделаем твоего внука! – выкрикиваю я и вешаю трубку как раз на визге «Александр!!!».

– Сверчок, боюсь, у нас проблемы, – тихо говорю я, поглаживая Эм по спине. – Нам нужно довезти тебя до офиса твоего отца в ближайший час. Они все ждут нас. Только подпишем брачный договор и все. Я отправлю вперед Джона, чтобы он все изучил, но уверен, что ничего умнее «Дрейк не имеет права вмешиваться в дела Галлахера» там нет. Так что много времени не займет.

В ответ на мои слова Эми снова тошнит. Я понятия не имею, как довезу ее до Сити. Когда она снова укладывается на коврик, я ложусь прямо перед ней, нос к носу. Чтобы она точно не отвернулась и не отвела глаза, мягко фиксирую ее за подбородок. Плевать на запах рвоты и что ее кожа липкая от холодного пота. Мне нужно, чтобы она на меня посмотрела.

– Сверчок. Мы можем не ехать. Тогда все останется, как есть, у нас обоих. Брак просто признают недействительным, а нас обзовут парочкой идиотов. Если у тебя нет сил, пусть

так и будет, уверен, мы и без брака со всем справимся.

– Папа не простит такую выходку. Он придумает, как меня наказать, например вернет в Ирландию. Там я и умру. – Шепчет Эми. – Надо ехать. Он меня убьет, если меня стошнит на глазах у всех.

– Мы успеем без происшествий, сверчок. – Обещаю я. – У тебя есть пять минут на сон, пока я вызываю Джона и машину.

Голова раскалывается, это, пожалуй, самое сильное похмелье в моей жизни. Я даже не помню, зачем нам изначально понадобилось вливать в себя такое количество алкоголя.

Хотя кого обманываю, конечно, я помню. Помню этот низкий неконтролируемый стон, который прошелся по губам Эмеральд и проник в мои.

А потом эти парни приволокли в подворотню тело.

Эми выбирает синий свитер, чтобы освежить болезненно-бледное лицо, долго возится с косметикой, чтобы замазать синяки под глазами, и зачесывает волосы в хвост, стоя головой вниз. После этого маневра ее ожидаемо тошнит, и мы выезжаем.

Водитель мягко управляет машиной, и все равно моя голова чувствует каждую неровность на пути. Сжимая в руке страховочный пакет, я откидываюсь на сиденье, Эми устраивается головой у меня на коленях. Мы снова ныряем в сон, раз вздрагиваем от тихого покашливания с переднего сидения.

– Приехали! – вскрикивает Эми, неосторожно садясь рывком. Она снова зеленеет, но справляется с собой, и мы выходим на улицу.

У лифтов нас встречает Джон, человек на все руки мастер. Пока лифт ползет наверх, он успевает вкратце изложить суть договора.

– Ничего особенного, Андэр, самый заурядное соглашение. Стандартные взаимные требования и страхование семейных активов. В случае развода каждый останется с тем, с чем вступил в этот союз. И вы не сможете быть акционерами в компаниях друг друга. Совместно нажитое имущество разделяется по усмотрению сторон. Еще касательно акций…

– Джон, дальше. Меня не интересуют акции Галлахера, хватает своих. – Перебиваю я.

– Понял, – кивает он, в уме пролистывая ненужную информацию. – Если первым родится мальчик, семья Галлахер обязуется профинансировать строительство крейсера Дрейков, а те, в свою очередь, дать ему имя наследника.

– Джон! – рявкаю я. – Осталось три этажа! Соберись и выдай мне что-то стоящее!

– Андэр, в случае развода…

– Меня сейчас стошнит… – жалобно стрекочет Эми, сползая вниз по стенке лифта.

– Извини, Эмеральд, я не хотел тебя огорчить! – спешит оправдаться Джон, и я не очень понимаю почему, потому что спешу поймать Эм и остановить лифт на восемнадцатом эта-

же.

– Не стоило мне говорить про развод. Вам не о чем переживать! Уверен, что ваш союз будет очень счастливым, тем более что юридически ничего этому не препятствует! – кричит Джон в смыкающиеся за нашими спинами створками лифта. Мы успеваем добежать до туалета как раз вовремя.

Эми предпринимает попытку заплакать, но я довольно легко свожу ее на нет.

– Ш-ш-ш, сверчок, иначе пантифанчики поскользнутся и по щекам покатятся.

– Почему? – всхлипывает Эм, а уголки губ дергаются вверх.

– На дорожках из твоих слез. У них башмачки разъедутся.

Эми фыркает и не сдерживает смех.

– Папа пришел бы в ужас!

– Точно. – Шепчу я, осторожно стирая слезинку с ее фарфоровой кожи.

Я поэтому и придумал «пантифанчиков», дословно переводимых, как веселые штанишки. Игра слов. Всем назло. Взрослые бесятся, когда кто-то ведет себя несерьезно.

В наших головах пантифанчики выглядели, как смесь ирландского липрикона и британского гнома, именуемого «гонки». Эми когда-то сшила парочку таких для нас. Маленькие старички с большими носами, бородками, цилиндрами на головах с пряжками в виде четырехлистника. Один носил фиолетовые дамские панталоны с завязками на щико-

лотках, а другой – полосатые шаровары с клетчатым прямоугольником на пуговицах сзади.

Эми шмыгает носом, намекая, что готова. Я подаю ей руку, и вместе мы отправляемся кормить кракена.

Почтенные главы наших семейств, распушив павлиньи хвосты, сидят друг против друга в просторной переговорной девятнадцатого этажа. Эми покрепче сжимает мою руку. Я знаю это, сверчок, мы не подойдем к окнам ни на шаг.

Мамы пьют чай и едят пирожное с одной тарелки, листая журнал. И, конечно, яркий солнечный свет, который хлещет из огромных окон, милостиво подчеркивает на наших лицах последствия минувшей ночи.

– Н-да. – Заключает мой отец, пряча за темными усами улыбку. Его голубые глаза ярко сияют в окружении мелких морщинок загорелого лица. У него густая темно-каштановая шевелюра, про которую в сорок пять забыла седина, и спортивное подкачанное тело, потому что он бесконечно носится по своим кораблям и проверяет каждую мачту, если речь идет о парусниках.

Чего не скажешь о мистере Галлахере. Костюм хоть и сшит на заказ, почти висит на его худом жилистом теле. Спина, прямая, как доска, чуть не выгибается в обратную сторону, когда он видит свою дочь. И мне грустно, потому что внешне они очень между собой похожи. Пронзительный взгляд зеленых глаз буравит дырку в моем лбу. Темно-рыжие волосы уложены гелем, на впалых щеках рассыпаны блеклые

веснушки. У Эм только губы материнские, пухлые и розовые, со складочкой вдоль нижней. Миссис Галлахер тоже рыжая, но это скорее тусклый рыжий, не сбивающий с ног, как полыхающая копна волос Эми.

– Эмеральд, моя девочка! – вскакивает она с места, едва заметив зеленоватый тон лица своей дочери. Наученная опытом, она этого не озвучивает, но в глазах читается беспокойство.

Мою маму разрывает от не меньшего желания высказаться, но она сдерживает себя изо всех сил.

– Садитесь. Герда, дорогая, меня работа не ждет. Поговорите вечером, – вмешивается отец Эми.

– Да, да, и вы должны нам семейный ужин! Хотя бы ужин, – строго подчеркивает моя мама. – Потому что свой союз вы удосужились отметить с половиной Сохо, а о родителях и не заикнулись.

От упоминания о вчерашнем вечере Эми вздрагивает так, что я невольно содрогаюсь вместе с ней. Знаю, о чем она подумала. О парне, умершем на нашу свадьбу.

– Я скажу, чтобы приготовили рыбу! – продолжает болтать моя мама. Еще бы. Ей-то никто не заткнет рот. Хотя сейчас это было бы славно. – И чудесные мидии, ропанов, м-м-м… как же нам будет вкусно!

Ноготки Эми отчаянно впиваются в мою ладонь. Дело плохо.

– Отличная идея, мам! Обсудим завтра, хорошо? – я под-

вожу Эми к столу и отодвигаю для нее стул.

Юристы родителей раскладывают перед нами документы и приглашают ознакомиться. У меня буквы пляшут перед глазами. Я не вчитываюсь, потому что знаю, эти страницы вдоль и поперек были обработаны отцом. Этот договор вообще никак не связан со мной, как с человеком. Только с моей фамилией. Которая, к слову, теперь стоит и после имени Эм.

Эмеральд Берта Дрейк.

Выглядит так… естественно?

Слышу, как Эми быстро ставит росчерк у своего розового стикера, извиняется и спешит к дверям.

– Браво. Моя дочь замужем меньше суток, а уже не желает сидеть за одним столом с отцом дольше пяти минут, – говорит мистер Галлахер. Он пытается шутить ради приличия, но в голосе все равно слышится сталь. Он поговорит об этом с Эм. Но я буду рядом и не дам ей снова провалится в спячку.

– Такое случается, что дочери вырастают, мистер Галлахер. И они находят себе тех, с кем хотят сидеть за столом дольше пяти минут.

Теперь отдельный разговор ждет и меня.

Я подписываюсь на двух экземплярах брачного договора, и наши матери обмениваются короткими взглядами. Порываюсь уйти вслед за Эми, но дорогу мне преграждает бутылка «Вдовы Клико». Я удивлен, что меня в семье встречают не фамильным виски.

– За долго и счастливо! – провозглашает мой отец.

– За благоразумие и честность! – вставляет Галлахер.

– За любовь! – воркует мама Эми.

– За внуков!!! – добивает меня мама, сталкивая наши бокалы с оглушительным звоном.

Глава 8. План «А»

Эмеральд

Моя семейная жизнь началась с убийства. *С убийства!*Всю неделю я не могу найти себе места. Мое сердце жаждет справедливости и наказания, но Андэр убедил меня не обращаться в полицию, заявив, что туда нужно идти с более весомыми доказательствами, чем видео плохого качества без имен и самого преступления. Что ж, я намереваюсь получить эти доказательства. Потому что я не могу спокойно спать.

Стоит мне закрыть глаза, как перед мысленным взором тут же встает бездыханное тело парня из Сохо. Он был чьим-то сыном, другом и любимым. Я не верю, что он сделал что-то плохое. Отказываюсь верить. О его смерти написали лишь местные издания Сохо. Без имени, без подробностей. Только оскорбительное «пьяный мужчина обнаружен мертвым в подворотне на Арчер-стрит. Напоминаем о вреде чрезмерного употребления алкогольных напитков».

Мне стыдно. Ведь наша с Андэром свадьба затмила все случившееся в Лондоне в тот день. Наши фотографии красовались на первых полосах газет и социальных сетей. Как я и предполагала, наши наряды, взгляды, поцелуи и слова вертелись и складывались под любой вкус, интересы и возраст читателей.

Одна половина интернета обиженно гудит, оставшись без идеального холостяка, вторая лихорадочно монтирует ролики о наших с Андэром отношениях. Мне же хочется одного: всем им надоесть и заняться своим магазином.

«У Диты» гудит наравне со всеми. Сабрина сокрушается о браке Александра и поносит рыжую лису Эмеральд, которая совершенно ему не подходит. Я предусмотрительно оставила обручальное кольцо дома и сменила свой парик на другой, с челкой. И вот красотка Берти снова ловко снует между столиками, высматривая лицо толстяка-убийцы.

Андэр тоже здесь, вернулся из Испании пару часов назад. Завтра наш свадебный ужин, стоит порепетировать игру в новобрачных, вот только ни текила, ни кортизол не стерли из памяти наш последний поцелуй. Мы оба потеряли контроль, и я не понимала причины. Это же Андэр. Я знаю его, как свои пять пальцев. Каждую морщинку, складочку, шрам и татуировку. Синие глаза, густые брови, копну волнистых волос, мягкие, но уверенные и напористые губы… решительность в каждом действии.

– Детка, как не стыдно! – Сабрина шутливо щипает меня за бок. – Ты пялишься на женатого!

– И вовсе не пялюсь! – ощетиниваюсь я.

– Интересно, почему он один? Где забыл свою рыжую женушку? – не унимается Сабри.

– Думаю, у него мальчишник, судя по количеству алкоголя на столе. И у меня еще заказ для них.

Андэр сидит в компании своих неизменных оксфордских приятелей, напиваясь и наслаждаясь свободой, которую подарил ему наш брак. Кажется, он даже не думает о несчастном убитом и поиске того толстяка.

– Ваши напитки, джентльмены, – с вежливой улыбкой я сгружаю на стол очередную партию алкоголя. Ожидаемо, они игнорируют меня, занятые беседой.

Но когда я собираю на поднос пустые бокалы, рука Александра Дрейка незаметно скользит вверх по моему бедру. В этом есть что-то запретное и интригующее. Он женат, на мне парик. Я подавляю улыбку и возвращаюсь на кухню за следующим заказом, чтобы отнести его… какая удача! Толстяку-убийце.

Будто ничего и не было, он сидит за столиком на двоих у сцены и налегает на виски «Галлахер». Отвратительно. Перед ним лежат какие-то бумаги, но в приглушенном свете я не могу их разглядеть. Пока расставляю перед ним закуски, успеваю заметить логотип в форме клевера-четырехлистника, который кажется смутно знакомым.

– Эй, пупсик, не станцуешь мне? – грубо ущипнув за задницу, спрашивает меня толстяк.

– Я официантка, – пищу я, – наслаждайтесь вечером, мистер…

– Доломан, пупсик. Присядь-ка…

– Простите, не положено! – я ловко уворачиваюсь от его мясистых лап и улетаю на кухню, прежде чем Андэр это за-

метил бы и снова попытался начистить толстяку рожу.

Доломан. Мистер Доломан и компания с логотипом-цветком. Что я за молодец! Прижавшись к стене в темном служебном коридоре, я медленно перевожу дыхание. Массивная мужская фигура, появившаяся на другом его конце, заставляет меня вздрогнуть и попятиться. Но тусклое освещение выхватывает знакомые очертания, и я расслабляюсь.

– Ох, Андэр, ты меня…

– Ты спятила?! Эм, ну какого хера?! Он так хватанул тебя за зад, что там наверняка уже синяк с Австралию! – налетает на меня раздраконенный Александр Дрейк.

– Его фамилия Доломан! Мы можем выяснить, кто он такой и каков его мотив. У него на документах – логотип в виде клевера, я его точно где-то видела! – возбужденно шепчу я. Мне уже не терпится начать расследование.

– Эмндэмс, мне не нравится, что ты суешься в эти дебри без защиты. – Вздыхает Андэр.

– Ты моя защита! – спешу заверить я.

– Да. И я даже не был в курсе, что ты затеяла искать этого свина!

– Мы же не оставим это? Только мы можем восстановить справедливость, мы единственные свидетели. Для души того умершего парня мы последняя надежда обрести покой! – кричу я шепотом.

К моему удивлению раздраженное лицо Андэра смягчается улыбкой. В полумраке его черты кажутся еще выразитель-

нее и притягательнее. Хотя, казалось бы, куда уж больше?

– Ты неугомонный маленький сверчок, – его голос падает до шепота, и мое сердце выдает от этого странный кульбит. Андэр поднимает руку и раздвигает пальцами прядки искусственной челки, чтобы увидеть мои глаза.

– Мистер Дрейк, что вы делаете? – наигранно взволнованно шепчу я. – Вы же женаты!

Андэр в недоумении прищуривается, но руку от моего лица не убирает. Ободок его кольца приятно холодит мою кожу.

– Вы зажимаете в служебном коридоре официантку. Что на это сказала бы ваша жена, сэр? – продолжаю я.

–Эй, я тебя не зажимаю, у тебя куча места, чтобы дышать. – Возмущается Андэр. – Я тебя воспитываю, а ты меня с толку сбиваешь!

– Как? – невинно спрашиваю я, опуская ладони на его широкую грудь. – Ох, она такая горячая, – вырывается у меня.

– Эмеральд!

– Меня зовут Берти, – прищуриваюсь я.

– Вот как. – Андэр подается чуть ближе, и от его взгляда у меня озноб пробегает по позвоночнику. Он смотрит в мои глаза, потом на губы. Большое тело пышет силой и уверенностью. Он включается в игру. – Что же ты краснеешь, Берти? Я заставляю тебя нервничать?

– Ты этого не знаешь, здесь слишком темно, для таких заявлений.

– Я это чувствую.

Между нами повисает невыразимо тягучее напряжение. Мой взгляд мечется между его губами и глазами, щеки пылают от жара его кожи, от его руки на моей щеке. Веки предательски тяжелеют, но я оставляю глаза открытыми. Андэр нависает надо мной и сейчас совершенно точно вжимает в стену. Я чувствую приятную тяжесть его тела. Его большой палец с нажимом ведет по моей нижней губе и мягко оттягивает ее. Мой вздох опаляет его кожу. А потом он толкает мой подбородок вверх, и наши взгляды пересекаются.

– Остаток твоей смены я не спущу с тебя глаз, Берти. – Понизив голос, обещает Андэр. – Еще раз приблизишься к Доломану, и я сделаю так, что все «У Диты» узнают, что ты моя жена.

– Как? – одними губами спрашиваю я, и он демонстрирует это самым наглым образом из всех возможных. Сжав меня крепче, Андэр завладевает моим ртом.

Это просто игра. Но мне нравится в нее играть. Губы Андэра настойчиво ласкают мои, и я не могу устоять против соблазна протиснуться языком ему в рот. У нас обоих нет дефицита в любви, у Андэра есть Гвен, а у меня был Эндрю, но почему-то мы тянемся и льнем друг к другу так, будто изголодались по чувствам, прибыв с необитаемого острова.

Руки Андэра приятно и сильно сжимают мои ребра, а я оттягиваю волнистые прядки у него на затылке. В поцелуях Андэра чувствуется ненасытность, с которой я не была знакома прежде. Мы же друзья.

Мы же… друзья?

Сомнения одолевают не только меня. Андэр мягко отстраняется и упирается лбом в мой.

– Поняла? – севшим голосом спрашивает он.

– Предельно. – Отвечаю я.

Остаток смены проходит для меня, точно в тумане. В животе покалывает от воспоминания о том, как Андэр вжал меня в стену и какой твердой оказалась его грудь. Твердой, широкой и горячей. Он измывался над моими губами, как ему хотелось. Человек-порядок навел настоящий кавардак в моих мыслях.

К утру они все же успокаиваются, но, возможно, потому что утро у меня начинается в три часа дня. Завтракая бейглом без кунжута с лососем, я потягиваю кофе и рыскаю в интернете в поисках информации на Доломана. Его имя Билл, ему сорок шесть, и он работает в крупном инвестиционном фонде, с которым сотрудничают крупнейшие компании, в том числе и «Галлахер», как я могу выяснить по логотипу на главной странице сайта. Вот откуда клевер-четырехлистник показался мне знакомым. Моя семья неоднократно посещала благотворительные вечера фонда.

Расследование вынужденно прерывается звонком тети Берты из Джинберри. Без прелюдий я вываливаю на нее случившееся, потому что знаю, дальше нее и дяди Гарри информация не уплывет.

– Андэр считает, нужно молчать, пока у нас не будет бо-

лее существенных доказательств, чем это видео. Но я нашла имя! И уверена, что Доломан убийца! Если дать ему понять, что у нас есть улики, мыши побегут с корабля, понимаешь?

– А если эти мыши окажутся крысами? Огромными зубастыми крысами, которые придут за кем-то из вас? – парирует тетя Би. Верблюжьи слюни, я надеялась, она поддержит меня. – Александр прав.

Я недовольно корчусь, но тетя только начала.

– А когда ты расскажешь мне, что стала его женой? Помнится, он был тебе другом настолько близким, что ты звонила мне по большому секрету, чтобы спросить, как снять безумный зуд после того, как вы побрили ему яички.

Я громко фыркаю и промываю себе нос горячим кофе. Изнемогая от кашля и смеха, я сползаю под стол. Это было девять лет назад, а смешно не меньше.

Дав мне как следует проржаться, тетя продолжает:

– Хотя ты знаешь, не так уж я и удивлена.

– Мы случайно поцеловались и…

– Именно так. Вы познакомились детьми и почувствовали сильную привязанность друг к другу. И все свои проявления списывали на дружбу. Достаточно было одного настоящего поцелуя, чтобы изменить ход игры.

Меня передергивает. Тетя ошибается. Я не влюблена в Андэра. Совершенно и определенно я его не люблю. Он мой друг! Я видела его побритые вишнево-красные яйца, черт подери!

Тетя Би счастливо вздыхает. Она очень рада за меня, и я тоже улыбаюсь ей через камеру. Но маленький пантифанчик тут же со всей дури дает мне поддых: это все вранье. Ты лжешь любимой тете, негодяйка.

Папа не позвал их на наш свадебный ужин в Белгравию. И, наверное, оно и к лучшему. У тети Би глаз наметан на вранье. Она бы живо нас раскусила. Мне и сейчас неловко сидеть перед ней и выдумывать сказки о нашей семейной жизни.

Ха-ха, зато на всю страну мне врать было совсем не стыдно.

– Расскажи мне что-нибудь о Джинберри, – прошу я, желая сменить тему.

– Ах, детка, мне тут вспомнилось, как мы на рассвете ходили с тобой встречать Гарри с ночной рыбалки. Холодное июньское утро, над вересковыми холмами, вдоль которых мы спускались к воде, стелился густой молочный туман. Сквозь него проступали лишь пестрые точечки цветов. Стояла такая оглушительная тишина, словно мы с тобой одни не спали в этом мире. Вереск уютно похрустывал под твоими сапожками, ты крепко держала меня за руку, пока мы шли по пустынному берегу. А Ла-Манш, угрюмый сонный и серый, лениво тянулся волнами к нашим ногам. Мы остановились, и во всем мире не осталось ни единого звука. А потом вдруг сквозь туман над водой послышался скрип уключин, и лодки одна за другой стали вырисовываться на наших глазах. У Гарри была красивая лодочка. Красная, с белой поло-

сой вдоль борта. Он первым из рыбаков выбрался на берег с сетью, до краев набитой рыбой. Кого там только не было… ты визжала от восторга, а кот Донателлы Клайв был тут как тут: раз и тиснул себе на завтрак жирненького мерланга.

– А дальше… – завороженно шепчу я.

– А дальше выглянуло солнышко, и отступил туман. Растаял, словно его и не было. Все вокруг стало простым и ясным, все скрытое явным, потому что природа решила: да будет так. Вечно ничто и никогда не будет спрятано.

Глава 9. Скрытое

Эмеральд

Особняк Дрейков в Белгравии утопает в белоснежных гортензиях, лилиях, эустомах и каллах, словно в снегу. С высоких потолков, нитями спускаются прозрачные кристаллы, имитируя дождевые капли. Столики в банкетной зоне ломятся от подарков, а гости продолжают прибывать.

Так выглядит самый дорогой обман. Обман тридцати пяти человек парочкой лучших друзей, которые решили пожениться, чтобы избавиться от проблем.

У меня трясутся ноги, когда я стою босая перед зеркалом в пол в малой гостиной миссис Дрейк и изучаю новобрачную прямо перед собой. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой красивой. Моя молочная кожа тихо блестит благодаря маслу с шиммером. Шелковое платье цвета слоновая кость на тонких бретельках с красивой линией декольте и свободной юбкой безупречно подчеркивает глубину цвета моих рыжих волос, которые стилист уложил голливудской волной.

– Где моя счастливая жена? – звучит из-за двери голос Андэра. Он не сразу справляется с дверной ручкой, потому что тащит в руках два бокала и бутылку игристого. – Эм… – вырывается у него, когда я оборачиваюсь. – Ты… какая ты… Эм. Господи, я дар речи потерял от твоей красоты.

– Спасибо, – шепчу я, все еще дрожа.

– Эй, эй, это не счастливая жена! – хмурится он, подходя.

– Мы не справимся!

– Справимся.

– Никто не поверит.

– Да всем наплевать.

– Мы опозорим твою маму.

– Что ж, ей полезна небольшая встряска. Где салфетка?

– Какого черта ты такой спокойный?!

– Потому что за нервы в нашей семье отвечаете вы, миссис Дрейк, – подмигивает мне Андэр, вручая наполненный бокал и салфетку, чтобы капли не попали на мое платье. – Эми, – говорит он, аккуратно чокаясь со мной, – мы справимся. Мы лучшие друзья, единый механизм.

И он оказывается прав. Вечер идет, как по маслу, мы целуемся, общаемся с гостями и журналистами, и неизменной остается рука Андэра на моей талии. Я льну к его груди с блаженным видом и предоставляю ему право отвечать на все вопросы самому. Андэру важен контроль, так что он чувствует себя лучше, когда сам несет ответственность за каждое сказанное слово. Чего не скажешь обо мне. Я уже кому-то ляпнула, что одним из любимых вариантов совместного досуга у нас является прогулка на яхте Андэра, а не распитие текилы у балкона в час ночи.

Когда гостей приглашают выйти и сказать пару слов в адрес молодоженов, мне вновь становится неловко от искренности и уважения, которые они проявляют в адрес нашей мо-

лодой семьи. Друзья наших родителей с высоты опыта дают советы и говорят добрые слова о каждом из нас, ровесники ожидаемо желают бессонных ночей и нескончаемой энергии, страсти и желания, от чего я невольно заливаюсь краской.

Когда на стеклянный подиум по приглашению ведущего поднимается очаровательный старичок с выправкой военного и усами Санты-Клауса, я вопросительно уставляюсь на Андэра. Его красивые губы растягиваются в смущенной улыбке.

– Это мистер Отэм, мой первый капитан и наставник. Не знал, что мама пригласила его, – шепчет он.

– Волнуешься?

В ответ Андэр лишь коротко кивает, и я сжимаю под столом его руку.

Старичок выглядит очень эффектно в смокинге с золотой цепочкой часов, заправленной в петличку. Он будто заглянул в Белгравию с ужина на Титанике. Белые, как снег, волосы аккуратно причесаны и даже уложены гелем, обветренное морщинистое лицо покрыто многолетним загаром, от чего водянистые голубые глаза сияют еще ярче. Как две путеводные звезды.

Откашлявшись, он ставит бокал виски на стеклянную тумбу и берется за микрофон, а я замечаю большой золотой перстень на его узловатом указательном пальце.

– Доброго вечера всем собравшимся здесь по такому замечательному случаю, – начинает он. Его голос, немного

охрипший, но мягкий, звучит так успокаивающе, словно капитан собирается поведать нам сказку. – Когда я встретил Александра, у него от жажды моря горели глаза. Я не буду рассказывать вам о морских уроках, через которые ему пришлось пройти, потому что все случившееся на море, там и остается. Но скажу, что Александр вырос человеком с таким суровым и крепким стержнем, что ему под силу само море удержать в узде. Он никогда не выпустит канат, никогда не отвернется в шторм и будет до последнего бороться за свое судно. Александр вырос капитаном, который пойдет со своим кораблем на дно. И я знаю точно, что в жизни Александр точно такой же. Он будет хорошим мужем и надежным плечом тебе, Эмеральд. Деточка, мы с тобой встретились впервые, но я словно знаю тебя всю жизнь. Рыжеволосая дева, в честь которой носит свое имя яхта «Изумрудик» Александра. Ты хранишь и бережешь его одним цветом своих глаз. Будьте вместе и будьте счастливы, молодые! Я не буду желать вам попутного ветра, потому что, преодолев вместе шторм, вы не расстанетесь уже никогда. Ваши руки, ваши губы и ваши сердца никогда не забудут, что вы сделали это вместе. За молодых!

– За молодых! – шумно и радостно кричат гости. Тост капитана Отэма по праву становится лучшим. Андэр поднимается со своего места и увлекает меня за собой.

– Я не знала, что «Изумрудик» – это в мою честь, – шепчу я, когда он склоняется ко мне для поцелуя.

– Ты дороже всех, – просто отвечает Андэр, и я целую его первой.

После завершения официальной части ужина многие мужчины отправляются в отдельную гостиную, чтобы выпить, покурить и обсудить свои извечные финансы. Официанты снуют между столиков, подготавливая зал к чаепитию, и я, освободившись от разговоров с тетушками Андэра, пячусь в сторону французских дверей в небольшой сад, чтобы немного перевести дух, но замечаю одиноко блуждающего по гостиной капитана Отэма.

Он не пошел курить с мужчинами, а спокойно изучает картины на стенах. Мама Андэра является патронессой нескольких художественных галерей, ценит живопись и поощряет молодых художников. Ради этой ненастоящей свадьбы она украсила первый этаж морскими пейзажами, так что мне понятен интерес капитана.

От него веет спокойствием и тихой, но твердой уверенностью и силой. С ним рядом безопасно.

– Вы сказали такие прекрасные слова об Андэре, спасибо вам. Замечательное поздравление.

– А, милая, это ты, – капитан Отэм тепло мне улыбается. – Я мог сказать гораздо больше, но Александр, несмотря на свое регулярное позерство перед камерами, очень великодушный и скромный человек. Он не любит хвастаться своими истинными достижениями. В том числе и тобой. Я просто знаю, что ты есть в его жизни с большой буквы «е».

Гляди-ка, я покажу тебе.

Капитан Отэм суетливо расстегивает пуговку смокинга, чтобы вытащить из внутреннего кармана мобильный телефон.

– Сейчас я покажу тебе, – торопится он совладать с сенсорным экраном. При этом его руки тверды, в них совершенно нет дрожи, как часто бывает у его ровесников. – А вот же, погляди-ка!

Капитан Отэм показывает мне фотографии, на которых Андэр, поддерживая под локоть, поднимает на борт «Изумрудика» сгорбленного старичка с тросточкой. Помогает ему устроиться за штурвалом. Придерживает его своим сильным мускулистым телом и управляет штурвалом, положив свои руки поверх ладоней старичка. Капитан Отэм включает видео, на котором «Изумрудик» мягко и плавно скользит по водной глади бирюзового моря, покорный руке своего капитана.

– Это были самые счастливые минуты для Джеффа за последние годы. Он моряк, но теперь уже совсем сдал физически. А противится этому, как упрямый осел. Никто Андэра не просил его прокатить. Джефф живет в доме престарелых, постояльцев вывезли к морю, стоял такой солнечный и теплый день на Майорке. Андэр оттуда стартовал на своей регате. Джефф заметил, что перекрутились паруса, да и крикнул Александру. Он был очень благодарен, хотя и сам бы справился. Пожертвовал своим временем на подготовку в угоду

радости бедолаге Джеффу. Я другого и не ждал. Александр всегда был таким.

– Вы давно его знаете, да? – спрашиваю я дрогнувшим голосом.

– О, очень и очень давно. Настолько, что могу с уверенностью сказать, что ты для него человек-маяк, Эмеральд. Не якорь, который держит и мешает двигаться, не порт, куда причаливаешь, чтобы снова уйти. А Маяк. Причина, по которой он не теряет голову в море. Причина, по которой он имеет цель выжить в шторм. Он никогда не упускает тебя из виду. Смерть чует таких и обходит стороной. Потому что они имеют смысл. Что-то держит их там, на земле, и канат этот настолько крепкий, что коса не перережет. Не отпускай его. Будь его огоньком в окне. Не выключай свет, пока его нет. Дай ему вернуться.

Я судорожно киваю. Всегда. Как друг, как жена, как угодно.

Капитан Отэм наполняет мое сердце удивительным спокойствием. Пониманием. На меня нападает совсем не свойственная мне меланхолия. Сегодня я узнала об Андэре что-то действительно новое. Это что-то заставило меня взглянуть на друга всей моей жизни совершенно другими глазами.

Море всегда было той частью жизни Александра, в которой мне не было места. Я не встречала прежде людей из этого его мира, не знала их ценностей, не задумывалась о том, как им важно, чтобы их ждали домой.

У меня был свой ритуал. Когда Андэр уходил в регату, я оставляла гореть в его спальне лампу. Мне было плевать на счета или количество лампочек, важно было не гасить свет, пока он не ступит на землю. И так удивительно было, что именно о свете сказал мне капитан Отэм.

Но главным открытием для меня стало то, что у Андэра доброе сердце. Он принципиальный, заботливый, внимательный, но… не добрый. Он отчитывает официантку на весь ресторан, если она сбивается с заказа. Он ругает таксиста, если тот нарушает правила. Да он поругался даже с цветочницами в день регистрации нашего брака! Меня регулярно отчитывает за бардак и горящий светильник. Больше несправедливости Андэр не приемлет только ошибки.

Поэтому история про старичка Джеффа так тронула меня. Спустя четырнадцать лет нашей дружбы я поняла, что это еще не все. Вечер приобретает новый смысл благодаря капитану Отэму.

– Эй, привет, сверчок, – ласково зовет Андэр. – Одна здесь стрекочешь?

Его голос вырывает меня из задумчивости. Андэр безошибочно обнаруживает меня в углу на кресле за занавеской, куда я спряталась, чтобы скинуть туфли.

Я рассеянно улыбаюсь и позволяю вывести себя из укрытия на последние несколько танцев. Торт разрезан, гости довольны, приглашенные издания получили контента на целую неделю. Миссис Дрейк счастливо смеется вместе с моей ма-

мой и своими сестрами. Мой папа ожидаемо держит лицо, но гостям подавали виски «Галлахер», так что это способствовало его нейтральному отношению к данному мероприятию. Он хотя бы ничего мне сегодня не пожелал.

Мы с Андэром танцуем под угасающий вальс, камер больше нет, но ни он, ни я почему-то не спешим покидать танцпол. Я без туфель, и мы плавно скользим по полу, каждый думая о чем-то своем. Я плавно поднимаю руки к шее Андэра, его взгляд, прежде рассеянный, тут же устремляется ко мне.

– Эм? – одними губами спрашивает он. В ответ я лишь неопределенно мычу и поднимаюсь выше к волосам на его затылке. Синие глаза мягко изучают мое лицо. Он уложил волосы, так что я не смею наводить смуту в его кудряшках, просто легонько массирую затылок. Ему приятно. Дыхание становится глубже. И он сам льнет к моим рукам.

– Эм, должен сказать, это запрещенный прием, – хмыкает Андэр.

Я рассеянно мычу в ответ.

– Я никому не разрешаю трогать свою голову.

– Но мне же можно… – хмурюсь я.

– Потому что это высшая лига моего доверия, Эм. Значит, ты в моей голове.

У меня нет ответа на это признание. Поэтому я поднимаюсь на носочки и с нежностью прижимаюсь губами к его губам. Ни одна камера это уже не снимет. Тут больше никого

нет.

Мы играем в игру, правила которой до конца не придумали. И это нехорошо.

Глава 10. Да ну на хрен!

Разве был смысл прятаться? Разве был какой-то смысл хоть в чем-то в этом мире? Справедливость? Честность? Возмездие, в конце концов?!

Я сидел на ступеньке приюта Святой Агаты и, яростно шмыгая разбитым носом, ковырял прутиком лужу, собравшуюся под водостоком. Лил сильнейший ливень, и осенний Лондон представлял собой самое унылое зрелище на планете. Сегодня Пики выбил мой первый молочный зуб, который еще даже не шатался, потому что я спрятал от него сладости малышки Конни, которые ей дала в церкви сердобольная старушка. Спрятал по всем правилам, чтоб его понос пробрал: левая стена, седьмой ряд снизу от окна, нечетный камень.

Во рту явственно ощущался вкус крови, и язык спокойно гулял в образовавшемся просвете между зубами. Зубная фея ко мне не прилетит, это я точно знал. А еще я знал, что никто не загонит меня домой, в ужасе причитая, что я весь вымок и рискую словить пневмонию. Потому что всем было на меня насрать.

Я прутиком прорыл в грязи небольшой канал, и теперь вода могла течь дальше по улице в канализацию. Увлекшись игрой, я сполз со ступеньки и на корточках двинулся дальше, прокладывая целый ручеек.

– Путь свободен, капитан! Сейчас волна подтолкнет вас, прикажите команде поднять паруса! – отчитывался я, воображая, что в заводи под водостоком на мели томится фрегат.

– Вы храбрый человек, мистер… как вас зовут? – басом отвечал я себе. – Назовитесь, я хочу представить вас к награде за этот подвиг!

– Меня зовут… зовут Дик Сэнд, сэр! – на секунду замявшись, крикнул я. – В добрый путь!

Мое воображение рисовало впечатляющую сцену, как порыв сильного соленого ветра раздувает паруса элегантного фрегата, совсем как из бутылки в кабинете хозяйки приюта. Как он, покачнувшись, сходит с отмели, гонимый волной и попутным ветром, и громогласное «ура» разрывает небеса.

Охваченный выдуманной эйфорией, я подставляю лицо ледяному дождю, стоя на коленках перед своим ручейком, и представляю, что мне в лицо бьет соленая морская волна. А когда я опускаю глаза, вижу… кораблик. Кораблик из газеты плывет по ручейку мимо меня. Ловлю его, не дав скрыться в решетке канализации.

– Что за… – бормочу я, растерянно оглядываясь по сторонам. Первое, что я вижу, это начищенные до блеска кожаные ботинки. Дальше темно-синие брюки из плотной ткани, твидовое пальто с воротником стойкой и аккуратно подстриженная борода. Надо мной стоит незнакомец

с черным зонтом. Зонт такой большой, что, когда этот мужик шагает ко мне, надо мной тоже перестает идти дождь. Я еще выше задираю голову и вижу белую фуражку с черным козырьком, расшитым золотым, и кокардой с якорем и Короной. Присвистываю, не сдержавшись.

– Привет, малыш, – говорит мне мужик. Ну, мужчина.

Я открываю рот, но не выдаю ни слова. Детей крадут ежедневно. Понимаю, что на меня всем в целом наплевать, но не хотелось бы портить приютскую статистику пропавших.

– Почему ты тут один, приятель? Под таким проливным дождем, – интересуется мужчина. Его голос грудной и бархатный, успокаивающий. Так звучат хорошие люди. Ну и… неуловимые маньяки.

Мама сказала бы, что нельзя говорить с незнакомцами, но мамы больше у меня не было. Час назад мне выбили молочный зуб, и чувство страха у меня атрофировалось, так что я вскидываю подбородок и выдаю:

– Я из приюта, так что, если вы желаете меня похитить, валяйте. Удивите меня своим дерьмом!

Да не похож он на насильника. У него слишком добрые глаза. Как мартовское небо, когда выглядывает солнце. Моряк прячет улыбку за своими густыми усами и садится на корточки рядом со мной.

– Не имею такой привычки, приятель, но мой коллега Джефф вполне мог бы подойти под твои параметры. Од-

нажды в шторм он сожрал сырого осьминога и выжил.

– Да ну на хрен! – вырывается у меня, хотя я планировал держать лицо.

– Честное слово, – отвечает моряк, пряча улыбку за основательной щеткой усов. – Позволь, я представлюсь первым. Капитан Майкл Отэм.

– Реальный кэп? Брехня… – из моего обеззубленного рта снова вырывается непрошеный восторг.

– Самый реальный, – уже в открытую улыбается капитан. – У меня есть удостоверение и китель.

– Да ну, это можно и украсть… – с сомнением замечаю я.

– Согласен. Получается, все, что у меня есть, это слово. А у тебя право, верить ему или нет. Как тебя зовут?

– Алек, – вздыхаю я.

– Что ж, мистер Алек, приятно с тобой познакомиться, – говорит Майкл, протягивая мне руку.

Я быстро вытираю свою об мокрые штаны и отвечаю на рукопожатие, не считая нужным называть полное имя. Его ладонь большая, теплая и жесткая. Я чувствую настоящие мозоли.

– У вас есть свой корабль, мистер Отэм? – выпаливаю быстрее, чем думаю, потому что любопытство рискует полезть из ушей.

– Вообще я служу в судостроительной компании, – спокойно отвечает капитан, но заметив разочарование в моих глазах, улыбается и добавляет, – не волнуйся. У меня есть

однокорпусная двухпарусная яхта длиной семьдесят футов и команда из четырех человек, – правильно истолковав мое уважение по открытому рту, капитан Отэм улыбается.

А потом удивляет меня тем, что садится на мокрую грязную ступеньку приюта. Игнорируя дождь и свое дорогущее пальто. Я пристраиваюсь на ступеньку ниже. Мне хочется послушать еще, но я не уверен, что капитан продолжит. Теребя в руках кораблик, который он для меня сделал, я молча вглядываюсь в его обветренное лицо.

Расскажите еще, кэп! Заберите меня из этой вонючей реальности хотя бы на несколько мгновений. Ведь вы уйдете, а мне вашей истории хватит надолго. Я смогу пересказать ее малышам вместо сказки, если «Масти» отберут у них «Сказки дядюшки Римуса».

К счастью, капитан продолжает.

– Моя команда состоит из нас четверых. Капитан, то есть я, мой первый помощник Джефф…

– Который сожрал осьминога? – ухмыляюсь я.

– Ага, именно он. Мы с ним следим за техническим состоянием яхты и выполняем роль рулевого. Дальше триммер, незаменимый малый, он настраивает паруса, и баковой: работает на носу яхты и тоже помогает с парусами. Мы совершили кругосветное путешествие пару лет назад. Готовимся к следующему.

– Зачем?

– Что, зачем?

– Кругосветное путешествие…

– Мальчик мой, моя мама задает тот же вопрос. Это своего рода хобби. Кто-то любит шить, кто-то петь или рисовать. Танцевать, заниматься спортом, в покер играть, в конце концов. То, что наполняет жизнь звучанием и смыслом, делает ее уникальной и непохожей ни на что другое. Я люблю море, я люблю его непокорность. Люблю его силу, которая временами дремлет, а потом бушует, точно кракен, восставший из пучины. Я люблю проходить по краю волны в разгар шторма. Я люблю рассветы, когда вокруг нет ничего, кроме воды. Я люблю знать, что я тот, кто покорил стихию, способную убивать. Потому что быть в море, все равно, что сидеть в закрытой клетке с надрессированным тигром. Ты никогда не знаешь, в какой момент инстинкты возьмут верх. А что любишь ты, Алек?

– Ничего, – бурчу я. Меня не впечатлил его рассказ. Он меня обидел. Будто меня взяли и носом ткнули в то, чего никогда у меня не будет. У ребенка бюрократической системы, которого выплюнут через одиннадцать лет на улицу. Без любви. Без дома. Без ласки. Какое уж тут хобби.

– Алек, – рука капитана ложится мне на плечо. – Извини меня. Я не хотел тебя обидеть. Я подслушал твою игру и решил, что ты любишь море.

– Даже если так, – шмыгаю носом я, – чего с того?!

– Того, что все начинается с мечты, – тихо говорит капитан. – Не дай им сломать тебя. У тебя глаза мечтателя.

– Это вам не мультик про Рапунцель! Живет мечта, живет мечта! – хрипло вскрикиваю я. – Мне семь и у меня нет родителей и зуба! – я вскакиваю, стряхнув с плеча его руку. К моему разочарованию слезы уже на местах: катятся по чумазым щекам наперегонки.

– О каких мечтах вы говорите?! Как можно мечтать, когда никто в этом мире меня не любит?! Никто не придет хоронить, если я умру! Потому что никто про меня не знает!

– Я приду, – вдруг заявляет капитан Отэм. Мне кажется, это для него оказывается так же неожиданно, как и для меня. Тем не менее он тоже встает на ноги и подходит ко мне. – Я теперь тебя знаю, Алек. Я знаю, что ты живешь в этом приюте, у тебя нет зуба и твой позывной «Дик Сэнд». Я работаю в порту, мой путь на работу неизменный. Я хожу по этой дороге дважды в день, если не ухожу в море. Без пятнадцати девять утром и в семь часов по вечерам. Если хочешь, выглядывай поболтать.

– Ладно… – с сомнением бурчу я.

– А теперь беги-ка внутрь. Не хватало еще заболеть.

– Научите делать такие кораблики?

– Прихвачу газету потолще, – подмигивает капитан.

Я киваю и жму ему руку. Закатываюсь внутрь и тут же натыкаюсь на Пики, который притаился в темном углу со швабрами, и, сучонок, явно все подслушал. Он самый мелкий в «Мастях» и один ничего не стоит. Я выхватываю из его

рук веревку, на которой он вечно вяжет какие-то узлы, и закидываю ее за шкаф. Пусть помается, как Тилли-Сью, чью мышку он сунул под холодильник. Пики ретируется, а я высовываюсь на улицу, чтобы еще разок глянуть на капитана.

Не уверен, что снова увижу его. Взрослые, которые приходят посмотреть на нас, очень часто дают обещания, которые не держат. Мое любимое это «в следующий раз». Он никогда не случается. Потому что они никогда не возвращаются. Никому не нужны большие дети.

Я слышал, как одна из воспитательниц говорила другой, что самый гнусный подарок, который только может принести с собой посетитель, это надежда. Надежда, что тебя заберут.

Так вот, не заберут. В «Святой Агате» за год усыновили всего-то пять детей. Ни одного шестилетки или семилетки.

А потом капитан Отэм внезапно оглянулся. Я вздрогнул. Он помахал мне рукой, прежде чем скрыться за поворотом.

Я не думал о море никогда до этого дня. Я вообще не думал ни о чем дальше следующего дня и шансов пережить его без травм и потерь.

Но сейчас, глядя вслед этому большому человеку, мне отчаянно захотелось помечтать. Даже если это никогда не сбудется. «Масти» были неплохо подкованы физически и отлично умели выбивать зубы, но мечты были не в их власти.

Александр

Наконец-то в нашу честь отзвонил последний свадебный колокол. Мама получила, что хотела и, я полагаю, оставит нас в покое. Эми размякла к концу вечера, словив то ли сентиментальную грусть, то ли эмоциональную усталость. Когда я вез ее домой, она почти не говорила со мной, уставившись в окно. Тонкие белые пальчики сосредоточенно перебирали полы жакета, и я не смел нарушить ее задумчивость.

Она не выключила музыку, когда выбегала на ужин, и теперь из колонки доносится глубокий голос Ланы Дель Рей, делая брутальный полумрак квартиры гармоничнее и немного уютнее. Я обхватываю тонкую талию и беру Эм за руку, увлекая в ленивый медленный танец прямо в холле, продлевая течение ее мыслей.

Неожиданно она обводит подушечками пальцев контур моего лица. Я подаюсь немного ближе, чтобы ей не нужно было ко мне тянуться. Эм о чем-то глубоко задумалась и все равно переступает ногами точно музыке в такт. Мне приятно ощущать ее мягкие прикосновения.

Я чувствую, как вторая ладошка смещается с моего плеча и ложится на заднюю поверхность шеи.

Взгляд Эми устремлен куда-то сквозь меня.

– О чем ты так усердно думаешь, сверчок? – все же нарушаю молчание я.

Эми моргает и заглядывает мне в глаза.

– О сегодняшнем вечере. Не думала, что у тебя доброе сердце, капитан Дрейк, хотя мне казалось, я знаю о тебе все.

Я очень горжусь тобой. – Стрекочет она, продолжая отвлекающе поглаживать мою шею. – Ты ни слова не сказал о прогулке под парусом со старичком Джеффом в Испании. Каково тебе было?

Я вздыхаю. Вот оно что. Капитан Отэм постарался.

– Они когда-то были такими же, как мы. Андре Моруа[4] писал: старость начинается в тот день, когда умирает отвага. Меня здорово впечатлила эта фраза. Только я не в книге ее прочел, а на открытке в книжном магазине. На ней был изображен верблюд и сделана эта подпись. Я долго думал о том, что это просто ужасно, когда случается наоборот. Есть воля, а сил больше нет. Так случилось с Джеффом. Он все еще лелеет надежду побежать. Он хочет бежать, ему надо. Но его тело больше просто не может. От этого хочется жить в два раза сильней. Что бы ты сделала, останься у тебя лишь сегодня?

Эми растерянно поднимает на меня свои большие бутылочно-зеленые глаза. В них сейчас блестят слезы, и она их не прячет.

– Сверчок… – шепчу я, стирая слезинку, выкатившуюся на ее щеку. – Не надо… у нас впереди еще годы. И каждый состоит из трехсот шестидесяти пяти сегодня. Просто помни об этом.

Веду рукой по ее скуле и заправляю за ухо выбившийся

---

[4] Французский писатель, мастер жанра романтизированной биографии (1885-19677 гг).

из прически локон.

– Что ты делаешь? – тихо выдыхает Эми, все еще лаская мою шею под воротом рубашки.

– А ты? – парирую я, накручивая локон на палец.

– Не знаю, прости. – Виновато шепчет Эми, убирая руки. Я сам возвращаю их на место. Одну себе на шею, другую на свою грудь. Она пропускает прядку моих волос между пальцев и поднимается на носочки. Я подаюсь к ней, привлекая к себе вплотную.

– Андэр…

– М-м-м?

– Не знаю, что со мной творится. – Бормочет она, не отпуская мои волосы. Ее прикосновения до чертиков приятны, но я стараюсь не подавать виду. – Мои мысли сейчас совсем не дружеские. Целовать тебя становится таким же естественным, как и дружить. Таким приятным. Это… сбивает меня с толку.

– Согласен.

– Нам нужно разобраться… выстроить границы.

– Определенно нам это нужно, – отзываюсь я, проводя большим пальцем по складочке на пухлой нижней губе. У меня в голове та же каша с момента, как я зажал ее в служебном коридоре «У Диты».

– Дружба – самое главное. Нам следует минимизировать поцелуи и прикосновения. – С этими словами Эми подталкивает меня за затылок немного ближе к себе.

– Обязательно следует. – Соглашаюсь я и ставлю ее себе на ноги, чтобы она обхватила меня посильнее.

– Я волнуюсь. По шкале от одного до десяти, насколько это неправильно для лучших друзей? – шепчет она, и жар ее дыхания проходится по моим губам.

– На десять.

Скольжу вверх по мягкому шелку ее платья, пока ладони не касаются нежной горячей кожи. Эми задерживает дыхание. Льнет к моим рукам.

– Мы друг друга не потеряем. – Обещаю я. – Это всего лишь игра. Мы сами придумали правила.

С каждым словом мы все ближе к губам друг друга. Ощущаем как колеблется и нагревается воздух. Я представляю, как оттягиваю зубами ее нижнюю губу. Пальцы на моем затылке сжимаются: мысли Эм тоже пустились в пляс. Густые ресницы трепещут, глаза неотрывно смотрят мне в губы. И нежно-розовый румянец расцветает на белой коже.

– Черт… – вырывается у меня, когда Эми поднимает на меня потемневшие глаза с огромными зрачками. Ткань ее платья сминается в моих пальцах, натягиваясь на ребрах.

Мое тело отчаянно нуждается в разрядке после напряжения в море. Вчера «У Диты» я набросился на Эм, как школьник в объятиях пубертата. Только мозг взрослого помог мне остановиться и не наделать глупостей.

Все внутри меня клокочет. В голове тотальный хаос, я слишком много времени провел вместе с Эм. Она заразила

меня своим беспорядком, я не могу даже собраться с мыслями, чтобы понять, почему готов потерять самообладание от этого румянца на ее щеках!

Все же было нормально, я никогда ее не хотел, потому что она всегда была моей. Но теперь, когда я целую ее весь вечер, в голове стирается грань между тем, что можно делать и нельзя.

Будь она любой другой, я бы так не церемонился, и мы бы давно были в постели. Но это же Эм, это мой чертов маленький сверчок! Я не могу так поступить. Нужно отправить ее спать и уехать к себе в съемную квартиру в Сити.

А потом эта проклятая бретелька падает с ее плеча. Я почти с ужасом смотрю, как она скользит все ниже и ниже, увлекая за собой шелковую ткань и обнажая белое полукружье груди. Я почти вижу ее темный ореол, когда Эми смущенно возвращает бретельку на место.

– Да ну на хрен! – вырывается у меня. Сгребаю ее в охапку и зажимаю между стеной и собой. Наши губы сталкиваются в безумном поцелуе, языки вступают в настоящее противостояние. Эм рвано постанывает под давлением моих рук, издевающихся над ее платьем. Если коснусь голой кожи, остановиться не смогу. Платье не должно покинуть это тело. Закидываю ее ногу себе на бедро и впервые в жизни сжимаю через ткань ее упругую аккуратную задницу. Сойти с ума. Эми рычит мне в губы, сражаясь со смокингом. Я отпускаю ее, чтобы помочь, и в этот момент на всю квартиру звучит

звонок от консьержа.

– Нет, пожалуйста, нет… – Эми протестующе мотает головой и тянет меня за рубашку, но я все же иду посмотреть. Мне это нужно. Этот звонок – спасение для нас обоих, Эм просто еще не поняла. Я бы сам не остановился. Не сегодня.

Это курьер, привез нам нотариально заверенные брачные договоры. Когда я захожу с ними на кухню, Эм сосредоточена на инструкции по варке птитима.

– Хочу что-то съесть, – жалуется она, словно и не было ничего несколько минут назад. – Андэр, ты не мог заказать мне обычные спагетти? Я ничего не понимаю.

– Сверчок, принцип тот же, – смеюсь я, оттесняя ее от плиты. Она почти ничего не ела за ужином, слишком нервничала, неудивительно, что теперь ее мучает голод. – Будет птитим с грибами в сливочном соусе.

– М-м-м… – в предвкушении стонет Эм, а я вовсе при этом не думаю, как она недавно стонала по иному поводу.

Эми задирает длинную юбку и забирается на барный стул, а я при этом не смотрю на ее длинные стройные ноги. Эм распечатывает конверт со своим именем.

– Хочу почитать на трезвую голову. Вдруг я задолжала тебе почку.

– Мне не подойдет твоя почка, мы это уже изучали, – смеюсь я.

Вытираю брызги с варочной панели и, оставив воду закипать, подхожу к Эм со спины, чтобы взглянуть на контракт.

Джон был прав, в нем нет ничего, способного меня удивить. Наши отцы одинаково хорошо постарались, защищая свои активы. До тридцати лет Эм буквально права не имеет переступать порог папиной верфи. Я, естественно, не имею права использовать алкоголь Галлахера во время празднований регат. Если бутылки попадут в кадр одновременно со мной и видео залетит более чем на миллион просмотров, с меня будет взят процент.

На этом пункте мы с Эми хохочем вместе. На странице про запрет употреблять крепкий алкоголь конкурентов мистера Галлахера на мероприятиях мы уже хотим бросить читать, но потом начинается раздел про развод. Довольно важно, учитывая, что это наш план на следующий год.

Над разводом явно поработал Галлахер. Можно подумать, мне так нужны его деньги. При желании лайнер Дрейков его вискокурню просто бы раздавил.

Я вижу этот пункт первым. И вовсе не под звездочкой и мелким шрифтом. Эм уже хочет перелистнуть страницу, но я хлопаю по ней ладонью, чем здорово ее пугаю. В ответ на ее растерянный взгляд я молча тычу пальцем в:

«Сторона, инициирующая бракоразводный процесс в течение первых двадцати лет, обязуется возместить моральный и физический ущерб второй стороне».

Понятия не имею, как можно было *это* не заметить.

В случае инициации развода А.Б. Дрейком, тот обязуется:

– уплатить второй стороне компенсацию в размере двух миллионов фунтов стерлингов;

– поступить на службу на судостроительную верфь «Дрейк Сэйлорс» в Лондоне, Великобритания;

– прекратить занятия яхтенным спортом.

В случае инициации развода Э.Б. Дрейк, та обязуется:

– уплатить второй стороне компенсацию в размере двух миллионов фунтов стерлингов;

– исполнить нарушенные обязательства перед семьей Галлахер и Глассман;

– переехать в «Эмберли», графство Уотерфорд, Ирландия без дальнейшего права на возвращение.

– Да ну на хрен… – выдыхаю я, пропуская через пятерню вставшие дыбом волосы.

Вода в кастрюле бурлит и плещет на варочную панель, от чего та неистово пищит, зовя на помощь. Но никто не двигается с места.

Один из нас потеряет существенно больше, уверен, это ясно на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.